

МАРГАРИТА ЮЖИНА

Танец
с граблями

дамский смешной детектив

Маргарита Южина

Танец с граблями

«Маргарита Южина»

2004

Южина М. Э.

Танец с граблями / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2004

В самом мирном заведении города – детском саду – произошло ЧП! Белым днем похитили мальчика... И виновата, конечно, воспитательница, которая не уследила за ним, – Кира Морозова. Мачеха украденного мальчишки поклялась отомстить Кире и расправиться с ее дочерью, если он не будет найден. Так что пришлось бедной воспитательнице стать сыщицей. А как хоть это делается-то?! В пединституте такому точно не учили... Кира, на свою голову, решает обратиться к импозантному мужчине по фамилии Кауров – во-первых, он все время почему-то крутится рядом, а во-вторых, когда-то работал в милиции. И в компании с этим специалистом Кира наворотила такого, что бывалым детективам оставалось только руками разводиться. Знай наших!..

© Южина М. Э., 2004

© Маргарита Южина, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маргарита Южина

Танец с граблями

Глава 1

И кому это надо?

– Зайке холодно стоять, надо зайке скакать! – выкрикнула кругленькая воспитательница и мячиком запрыгала по детскому участку.

Вместе с ней заскакали послушные дети, которых вывели на прогулку. Не прыгал только один мальчишка, одетый в яркий желто-синий пуховик.

– Дима Русков! А ты почему еще не заяка?! – грозно уставилась на него воспитательница.

– Ой, Кира Сергеевна, ну вы вечно такое выдумаете! – недовольно буркнул пацаненок и направился к качелям с облезлой краской. – Я же вам не малыш какой-нибудь.

Парню стукнуло шесть лет, и он вполне справедливо не собирался играть в ясельные поскакушки.

– Танечка, с этим Русковым с каждым днем все сложнее. Сегодня отказался участвовать в подвижной игре, прямо и не знаю, чем его заинтересовать. Не тащить же мальчика в компьютерную группу! – жаловалась Кира Сергеевна на обеде своей напарнице.

– Да и притащила бы, только кто тебе даст? Садики вечно самые обделенные. У этого Рускова дома чего только нет, разве же его здесь чем-нибудь завлечешь? Одного не пойму, почему родители его в коммерческий садик не отдали? Денег пожалели? – удивлялась Татьяна Викторовна, жуя резиновый кусок жареной рыбы.

Кира помотала головой:

– Нет, они для него ничего не жалеют. Просто не хотят, чтобы ребенок выделялся среди других детей.

– А то он и так не выделяется! Знаешь, кем он хочет стать, когда вырастет? Дима! Дима Русков! Скажи Кире Сергеевне, чем ты будешь заниматься, когда вырастешь?

Мальчишка посмотрел на воспитательниц с усталым равнодушием, отложил вилку и четко произнес:

– Когда я вырасту, я буду заниматься кибениматикой.

Мальчишка спокойно встал и пошел к умывальникам.

– Не смей выражаться! – поперхнулась куском рыбы воспитательница.

– Кира, успокойся. Это значит – кибернетикой и математикой, – фыркнула напарница и тут же строго погрозила пальцем: – Света! Киселева! Ешь рыбу, не перекладывай ее на чужую тарелку! И не говори, что ты на диете, рано тебе еще, вот послушаетесь мам... Ты, Кира, беги. Тебе же сегодня в ресторан, да? Ух, классно, завтра расскажешь?

Кира Сергеевна мотнула головой и побежала одеваться. Уже одетая, она заглянула в группу и помахала рукой:

– До свидания, ребятки! Танечка, Лилия Федоровна, пока. Дима, Русков! Прекрати стирать свои носки в раковине, они не успеют высохнуть! Ах, это не твои... Это Сени Маркова? Молодец, Дима! Помогай другу! Ну все, я ушла!

Кира Сергеевна, женщина аппетитной комплекции, загадочного возраста и легкого нрава, сегодня была в приподнятом настроении. Вечер обещал быть нескучным, и это заставляло ее сердце трепетать. Она была дома уже через пять минут. Детский сад, где она трудилась вот уже двадцать лет, располагался за углом ее дома, это было удобно, и вообще – Кира любила

свою работу. Во-первых, она любила детей, а ее собственная дочь Оленька как-то очень быстро выросла до двадцати лет, выскочила замуж и вот уже год живет отдельно от матери. Во-вторых, замечательный график – по полдня, и всегда можно договориться с напарницей, отпуск летом, ну, и от дома недалеко. Правда, был один маленький пунктик, который существенно отравлял жизнь всем педагогам, – унизительная зарплата, но этого до некоторых пор Кира не ощущала. У нее был замечательный муж, который зарабатывал достаточно. Однако три месяца тому назад супруг, тряхнув реденькими овечьими кудряшками, выступил на середину комнаты и напыщенно заявил, что дочь он вырастил, а посему оставаться в прежней семье не намерен, поскольку собирается заводить более молодую жену. Леонид был высок, худ и, несмотря на лошадиные зубы, рыжие реденькие волосики на темечке и прыгающую походку, считался красавцем. Может быть, этому способствовало то, что он величаво именовал себя директором фирмы, и, хотя в фирме имелось только три человека – сам Леонид и сотрудники – пенсионер с сыном, реклама предприятия успешно дурила людям головы, и девочки слетались на лоценого директора, как мухи на рыбу. Кира же любила супруга не за регалии, не за «красоту», а за счастливые дни молодости и... и просто так: любила, и все тут. Жили они счастливо двадцать два года, и его уход женщина переживала долго, мучительно, с элементами самобичевания. Совсем некстати проявилась и маленькая зарплата. С этим надо было что-то срочно делать, и многочисленная армия подруг Киры закатала рукава. Вчера, например, позвонила бывшая одноклассница Ирочка Петрова и затараторила в трубку:

– Кира! Завтра обязательно прибегай к нам в ресторан! Обязательно, слышишь? У нас заказ поступил на свадьбу, один кошелекастый дядечка женит своего сына, представляешь? Сына женит, а сам не женат! Ты обязательно должна там быть! Это твой шанс!

– Но... меня же никто не приглашал, – стусевалась Кира.

– И не пригласят! Не дожدهшься! Они откупили весь зал, но я так скромненько сказала, что один столик уже заказан, дескать, здесь будет сидеть приличная дама, она не помешает, то да се. Короче, ты сегодня же несешься в парикмахерскую. Уяснила?

– Ира, мне как-то... неудобно, что же я...

– Неудобно знаешь что? Уши облизывать! Короче, бери с собой Машку, и чтобы завтра, как штык... как два штыка! – рявкнула Ирочка и бросила трубку.

Ирина Петрова работала в ресторане администратором, и под ее напором устоять было практически невозможно. Поэтому сегодня Кира улизнула на часок пораньше с работы, чтобы привести себя в должный вид. К семи должна была заявиться Мария, верная подруга, соседка с верхнего этажа.

Сама Мария имела мужа Толика, который страшно обожал командировки и улетучивался из дома каждую неделю, даже тогда, когда его никто никуда не посылал. Мария же, хоть и скандалила по этому поводу, но сама любила чувствовать себя время от времени «холостой», поэтому всегда могла составить компанию, куда бы Кира ни направлялась.

В ресторан женщины прибыли, когда часы пробили девять.

– Почему так поздно? – зашипела на них Ирочка. – Я переволновалась! Так, Кира, смотри, вон тот, видишь – в темно-сером костюме? Вот он и есть отец жениха, стало быть, твой «объект», поняла? Да ты не на того пялишься!

– А вон тот мне больше нравится. Этот, в сером, какой-то угрюмый, настоящий медведь...

– Ничего не медведь! Ну... правда, хмурый... Знаешь, если бы от тебя жена ушла, ты бы... И вообще! Он зато богатый.

– Ир, ты нас посади за стол-то! – не выдержала Маша. – И иди, помаячь, покажи, кто там богатый отец, а то здесь половина гостей в серых костюмах.

Ирина тут же улетучилась и вскоре стала порхать возле свадебного стола. Она проделывала что-то непонятное – останавливалась, будто бы случайно, возле каждого мужчины, и незаметно подавала подругам странные знаки. И Кира, и Маша какое-то время пытались сообразить, что бы это значило, но потом плюнули и принялись развлекаться по-своему. Бутылочка шампанского придала им игривости, и вскоре подруги уже отплясывали в самом центре свадебного круга. Кира вспомнила детсадовские танцы и важно поплыла Снежинкой, потом засеменяла в хороводе, собрав трех старичков, которые еле передвигались, а когда начала плясать «Яблочко», подруга ее одернула:

– Ты музыку-то хоть слушай! Это же танго!

Нельзя сказать, чтобы дамы из свадебной компании были в восторге, да кто их замечал! Хлебнув еще фужерчик игристого, Кира даже отважилась пригласить хмурого дядьку на медленный танец.

– Вы отчего такой страшный? Я имею в виду – невеселый? Все-таки как-никак свадьба? – красиво хлопала она накрашенными ресницами.

– В том-то и дело, что как – никак, – буркнул партнер и принялся качаться не в такт мелодии.

– А скажите, вы со всеми такой угрюмый? – демонстрировала свое обаяние Кира. – По классическим традициям, мужчина должен сам развлекать женщину.

– По классическим традициям, женщина должна украшаться скромностью и сгорать от стыда, когда мужчина с ней заговорит, – с легким презрением отозвался кавалер и устался куда-то в потолок.

До хмельного сознания Киры вдруг дошло, что этот дядька просто считает ее... женщиной легкого поведения! Такого срама она в своей жизни еще не испытывала. Кира резко выпрямилась, сдернула со своей талии руки наглеца и выдала ему пощечину.

– Это вам за проститутку! – гордо объявила она и направилась к своему столику.

Мужчина так и остался стоять в центре танцплощадки, держась за щеку и ничего не понимая.

– Кирочка! Он что, тебя оскорбил? Он тебя домогался? А ты отказала, да? Ой, Кир, ну ты больная на всю голову, – тут же разгорелись глаза у Маши.

– Пойдем немедленно домой! Я больше ни минуты здесь не останусь! По дороге расскажу.

Маша принялась стремительно собирать со стола недоеденные блюда и раскладывать яства по мешочкам.

– Да оставь, что ты в самом деле! – раздраженно шипела Кира.

– Еще чего! Ты последние копейки на этот ресторан угрохала! Собирайся, идем.

Вечером Кира сидела на кухне, жевала кусок говядины – Маша сунула ей сумку с продуктами – и с теплотой вспоминала бывшего мужа. Нет, ее Леонид никогда бы так не оскорбил женщину. Он вообще к женщинам легкого поведения относился с пониманием, с душевным трепетом, его так и тянуло их утешить. Слезы катились по щекам Киры прямо-таки ручьями, из груди вырывались всхлипы, и вскоре она разразилась бурными рыданиями.

Наутро ее разбудил телефонный звонок.

– Кира Сергеевна? Это вчерашний знакомый вас беспокоит, Игорь Андреевич, – голос был совершенно незнаком, и имени такого Кира не знала. – Я хочу принести вам свои извинения... Я вас, похоже, оскорбил? Я просто не люблю назойливых женщин, знаете ли... ну, и подумал... А если вы не такая...

Кира наконец поняла, кто с ней говорит. Одно непонятно – откуда он взял ее телефон?

– Я не такая. Но знаете, вы мне неинтересны. Если вы считаете пошлостью просто веселое настроение, то вы – душевный инвалид, мне с вами скучно, – капризно промяукала она и бросила трубку.

Вот так! Пусть не думает, что любая женщина кинется к его ногам, едва он брякнет кошельком. Фи, обычная посредственность! Кира надменно надула губы. А глаза ее сами собой уставились на определитель номера. Надо же – шесть, пять, четыре, три, два, один! Попробуй тут не запомни. И все же – этот человек навсегда вычеркнут из ее памяти.

Пора было собираться на работу. Кира чуть было не опоздала – позвонила Ирочка Петрова.

– Кира! Куда вы вчера испарились? – захлебывалась она. – Я тебе что скажу! Ты так вчера всем запомнилась этой пощечиной! А кстати, за что ты его отхвостала?

– Да так, просто этот богатенький папаша слишком высокого мнения о себе, – уклонилась от описания подробностей Кира.

– Ни фиги! Оказывается, ты вчера не тому мужику по морде нахлестала! Это не папаша, это друг семьи – Кауров. Он бывший опер, кажется, но что-то там произошло, и он уволился. В общем, неудачник. Он тебе не нужен. А вот папаша, кстати, очень тобой интересовался! Я ему на всякий случай твой номер телефончика подарила, ничего?

Кира поблагодарила подругу за участие, потом взглянула на часы и распрощалась – надо было еще накраситься, а время поджимало.

На работе Танечка встретила напарницу с горящими глазами. Даже нянечка Лилия Федоровна бросила свои дела и уселась слушать.

– Ну? Что? – с придыханием спросила Татьяна.

– А ничего, все сорвалось, – махнула рукой Кира, ей не хотелось снова вспоминать неприятный момент. – Знакомая заболела.

– Вот, всегда так, – огорченно всплеснула руками Лилия Федоровна. – Только захочешь в ресторацию сходить, обязательно что-нибудь случится!

Пожилая няня так расстроилась, словно это у нее сорвалось романтическое знакомство.

– Ладно, Кира, не переживай. Сегодня пятница, последний день, завтра выходной, будешь отдыхать. Да и ребятишек сегодня немного. Сизова не привели, Корчагину, Рускова, сегодня спокойно будет.

– Ну, что слышно? – спрашивала Кира о последних новостях. – Спонсор-то объявлялся или еще нет?

Детский сад медленно погибал – детей ходило мало, многие хорошие специалисты за столь мизерную плату работать не хотели, уходили, и выручить детский сад решил спонсор – компания по продажам детского питания. Естественно, коллектив должен был выполнять какую-то рекламную акцию, ну и ладно, зато зарплата работникам обещалась увеличиться ровно в пять раз. Теперь же всех интересовало – когда же могучий спонсор наконец расщедритя?

– Спонсор? Не-а. Говорят, сначала проверка будет, достойны ли мы, чтобы именно наш детский сад...

– Ясно, – кивнула Кира, начесывая на затылке волосы. – Ты не сиди, Таня, беги домой.

Смена и в самом деле выдалась спокойной – не успели дети выйти из-за стола после полдника, а за ними уже пришли родители. Когда в группе осталось четыре человека, в дверях неожиданно появилась сияющая физиономия Рускова-старшего.

– Здравствуйте, Кира Сергеевна, а где мой сорванец?

– А вашего, Антон Петрович, сегодня не приводили, – с улыбкой ответила Кира.

Ей всегда нравилось, когда папаши занимались своими чадами. Что там говорить, большинство отцов ограничивалось только работой, скидывая на мамочек заботы о детях, но Русков был не таким. Он столько возился с собственным сыном, что его на каждом родительском собрании ставили в пример. Хвалили его еще и потому, что он охотно выделял деньги на всяческие детсадовские нужды не скупясь. Папа-Русков был воспитательнице очень симпатичен.

– Как, то есть, не приводили? – сползала улыбка с губ папаши.

– А вот так. Мамочка ваша сегодня отдыхает, вот и решила Диму побаловать.

Мамочка, в отличие от папаши Рускова, занималась сыном мало, отдавая всю себя бизнесу. Поэтому, надо думать, ничего не случилось страшного, если на этот раз она ребенка в садик не потащила.

Антон Петрович недоуменно пожал плечами, и его тут же оттеснила худенькая, бойкая мамаша Кати Смирновой:

– Катюша! Детка, собирайся скорее! Нас папа повезет в музей этих... восковых фиговин!

В группе остался только Вадик Агапов, когда в дверях снова появился Русков. Теперь он уже был не один – рядом с ним бестолково хлопала глазами хорошенькая, как кукла, Дарья Ивановна, его жена.

– Вот! Даша, расскажи, ты приводила Димку в сад?! – на Антоне Петровиче не было лица. Жена была ошарашена не меньше, она даже говорить не могла, только кивала головой.

– Вот! Кира Сергеевна! Она приводила Димку!

Теперь уже и сама Кира испугалась.

– Посмотрите по журналу, видите – отмечено, что Русков Дима отсутствует. Его в саду не было! Дарья Ивановна, кому вы сдавали ребенка?

Дарья Ивановна пошла багровыми пятнами.

– Никому... Я его... высадила из машины... он вошел в дверь, и все. Я уехала.

– Он никуда не выскакивал?

– Н-нет. Он пошел внутрь, – лепетала несчастная мать.

Похоже, до нее только сейчас стал доходить весь ужас произошедшего. Внизу, в вестибюле сада, висела памятка родителям, где черным по белому было написано: родители обязаны сдавать детей на руки воспитателям. Однако этого правила никто не придерживается, особенно в старших группах – сунут ребенка в двери и бежать, все на работу спешат. А потом ищут виноватых.

У мамы-Русковой начиналась истерика. Она принялась рыдать и безостановочно повторять: «Где мой сын? Скажите, где мой сын?», и ничьих слов уже не слышала.

– Успокойтесь, сейчас я вызову Татьяну Викторовну, возможно, она что-нибудь прояснит, – пыталась что-то придумать Кира.

Однако ни Татьяна, ни заведующая, которую вызвали в срочном порядке, ни остальные работники ничего сказать о пропавшем мальчике на могли.

Была вызвана милиция. Встревоженный голос заведующей, вероятно, вселил в представителей органов панику, потому что уже через полчаса по коридорам помещения детского сада носились трое бравых ребят в сопровождении тощего пса. Пес домчался до кухни, отыскал отходы от детского ужина и больше уже никуда не торопился. Сдвинуть его с места оказалось делом невозможным.

– След, Полкан, след! – краснея от стыда за собаку, кричал молоденький сержант, но пес упрямо развалился у ног Киры и ни о каких следах и слушать не желал.

– Да оставьте вы его в покое, – отмахнулась Кира. – Какой уж тут след, вон сколько детей здесь протопало.

Потом прибежала Татьяна: она бегала домой к Славе Шапкину, чей папа работал участковым в другом конце города и обещал прибыть собственной персоной; и прибыл, однако результатов не было.

– Он вас так любил, – обливалась слезами Рускова, глядя на Киру. – А вы его никогда не понимали. У вас есть дети?

– Есть, – тоже хлюпала носом та. – Дочка, двадцать один год.

– Так вот, если вы мне не вернете сына, я убью вашу дочь! – вдруг выкрикнула несчастная мать, и глаза ее загорелись жутким огнем.

– Господи! Да что ж вы такое говорите, – охнула заведующая, – Кира Сергеевна-то тут при чем?

Рускову явно было стыдно за жену, он погладил ее по голове, словно маленькую, и просительно посмотрел на Киру:

– Вы не обращайтесь на нее внимания. Она сильно переживает. Сама не знает, что говорит.

– Я? Я не знаю? – дико захохотала Дарья Ивановна и приблизила свое лицо вплотную к глазам Киры. – Запомни, я убью твою дочь, если ты не вернешь мне сына!

Что было дальше, Кира Сергеевна в точности не запомнила. Она выскочила за дверь, следом за ней бежал Русков.

– Кира Сергеевна! Подождите! Дайте я вам все объясню!

– Ничего не надо объяснять, я и так уже боюсь!

– Не надо, здесь совершенно нечего бояться, – тяжело дышал Антон Петрович. – Понимаете, Дашенька не совсем здорова, у нее серьезные проблемы с психикой, но это не... Она просто не контролирует свою речь, а так она вполне безобидна. Ну... нахлынули на нее черные эмоции, вот она и плетет всякую чушь. А Димка... Ч-черт, куда же он пропал?

К Кире подбежала бледная заведующая.

– Кирочка, ты не бери в голову, сама понимаешь – нервы! Ну какая мать такое выдержит? Ах ты черт, и надо же было этому случиться как раз сейчас, когда Компания решила перевести нам деньги!

– Но мы же не виноваты...

– Ах, ну кого это сейчас волнует!

Домой Кире удалось добраться только к одиннадцати. Услышав, что входная дверь хлопнула, к ней тут же прибежала Маша.

– Ну, как ты? Чего домой не торопишься? Ыиние? – прищурила она свои хитрые глаза.

Кира вздохнула поглубже и принялась рассказывать обо всем, что сегодня произошло.

– И, главное, Рускова эта так на меня накинулась, – Кира чуть не плакала от обиды. – Я понимаю, у нее такое горе, но есть же слова, которыми нельзя так запросто бросаться!

– Не обращай внимания. Найдется парнишка, вот увидишь. Он у вас самостоятельный, я помню, ты рассказывала. Может, к дружку какому-нибудь забрел, заигрался. Завтра утречком проснешься, а тебе звончек – не беспокойтесь, Кира Сергеевна, нашлось наше сокровище, наши вам извинения.

Однако наутро никакого звончка не было. Кира позвонила Татьяне, но та только на старушечий манер заголосила в трубку:

– Пропал наш Димочка-а-а, пропала наша ягодка-а-а, а и на кого же нас поки-и-иинул!..

– Татьяна, прекрати балаган! Парня искать надо, а она в трубку воеет! – рассердилась Кира. – Ты лучше скажи, у тебя знакомых в милиции нет?

– Не-а, а тебе зачем? – напарница вмиг исправилась и перестала голосить.

– Я думала, если есть знакомые, так найдут парня побыстрее, – разочарованно протянула Кира.

– Здравсьте! У Русковых, наверное, и в милиции своя рука есть, и в частном агентстве. Если деньги в кармане бренчат, кого угодно отыскать можно. Бабки у Русковых есть, а у нас нету, так что, Димку, конечно, жалко, но... что мы можем?

Киру раздражал тон напарницы, но та была где-то права.

Успокаиваться не получалось, и вечером Кира позвонила дочери.

– Оля, здравствуй, доченька. Как вы там? У вас все хорошо?

– Да, мам, все нормально. Сейчас вот сижу, Вадьке рассказываю – встретила мне в подъезде какая-то тетка чумная, прицепилась – не отодрать. За рукава хватается, кричит: «Ты Ольга? А мать твоя где?» Я ей популярно объясняю, что, мол, я уже год, как с мужем живу, а

не с матерью, а она ничего не соображает! Это, мама, от того, что я так молодо выгляжу! Вон, Вадька хохочет, говорит.

– Оля! Оленька! Как выглядела та женщина? Молодая, старая? Косая? Кривая, какая? – кричала в трубку Кира.

– Мама, она никак не выглядела, она просто была здорово пьяная. И, по-моему, это наша соседка. Зря я тебе рассказала, будешь теперь всю ночь ужасы про меня придумывать. У нас все нормально, мамочка.

Кира совсем в этом не была уверена. Видимо, у несчастной Русковой начались психические сдвиги, в этом ничего удивительного, конечно, нет, но что делать Кире? Неужели ее дочь в опасности? Оля-то в чем провинилась? Однако что-то надо решать. Уговаривать Рускову бесполезно, она и сама не знает, что выкинет в следующий момент, надо искать Диму. Кира давно бы кинулась на поиски, если бы знала, как это делается. Но она даже представить себе не могла – с чего начинать? И потом еще этот спонсор! Не даст деньги, и как тогда жить?

Кира ненадолго задумалась, а потом решительно сняла трубку. Что там Ирочка Петрова говорила? Кое-кто у нас бывший опер? Тогда именно он нам и нужен.

Трубку долго не снимали, а потом послышался сонный голос:

– Алло, Кауров слушает.

– Игорь Андреевич? – залебезила Кира. – Очень рада вас слышать. Мы с вами в ресторане познакомились. Вы еще черт знает что напридумывали обо мне, помните? А я обиделась. Вы знаете, я передумала, оказывается, вы мне жутко, просто жутко интересны! Скажите, вы сейчас не могли бы ко мне подъехать?

На некоторое время в трубке повисла пауза, а потом Кауров недовольно заговорил:

– Вы, если я правильно понимаю, та барышня из ресторана, которая что-то там о классической скромности лепетала?

– Да, я та барышня, перед которой вы вчера извинялись по телефону, – уже жестче добавила Кира. Похоже, этот индюк опять принимает ее черт знает, за кого. – Вы мне сейчас очень нужны. Просто необходимы!

– А вы знаете, сколько сейчас времени? – хмыкнул Кауров.

– Да при чем здесь время?! – обозлилась вконец Кира. – У меня случилось несчастье! Пропал мальчик из моей группы, а его мама – немножко больная психически, но это понятно... Так вот, она теперь угрожает моей дочери. Грозится ее убить, между прочим, если я не верну ей сына! А вы, как мне сказали, на государственной службе не состоите, вы неудачник, времени у вас навалом, вас же отстранили. Вам все равно делать нечего, так помогите!

– Неудачник, да? А вы, похоже, из счастливиц – ребенок пропал, дочь в опасности, и помощи ждать неоткуда.

– Не цепляйтесь к мелочам! Последний раз спрашиваю – будете помогать, бревно бесчувственное?!

– И вы еще воспитываете детей?!

Кира в ярости бросила трубку. Однако выхода не находилось. Она вновь принялась нажимать на кнопки.

– Ир, привет, это Кира.

– С ума сошла, да? – сонно забормотала Петрова. – Я никак уснуть не могла, снотворное приняла, а ты всю малину испоганила.

– Ира, как мне найти адрес Каурова, придумай, а? – проигнорировав стенания подруги, спросила Кира.

– А тебе надо срочно? – встрепенулась та. Все, что касалось дел сердечных, Ирочка мимо себя не пропускала, а сейчас, как ей показалось, Кира просто сгорала от чувств. Вон, даже до утра не могла дотерпеть. – Та-а-ак, а у тебя есть его номер телефона?

– Ага, от шести обратно считай – его номер получится.

– Ну тогда... Подожди, я посмотрю по компьютеру, вдруг повезет... – Ирочка потащила вместе с трубкой к компьютеру и минут через двадцать выдала: – Кауров... Кто он у нас? Игорь Андреевич?.. Сейчас... О! Тебе везет! Есть, пиши адрес – Корчагина, пять, квартира девять. А ты прямо сейчас к нему поедешь?

– Нет, Ирочка, я ему открытку хочу послать, – не стала распространяться Кира и вежливо отсоединилась.

Совсем потеряв голову, она вызвала такси, натянула куртку и сбежала вниз по лестнице.

Таксист был неразговорчив. Машина неслась по ночному городу, и Кира не переставала удивляться – почти не ощущалось, что на дворе ночь. Везде горели фонари, звучала музыка, призывно мигали рекламы ресторанов, баров, жизнь начиналась какая-то совсем другая – яркая, шальная, беззаботная.

– Вам какой дом? – хмуро спросил водитель.

– Корчагина, пять, – прилежно повторила Кира и снова уставилась в окно.

Конечно, ее Леонида понять нетрудно – кто же захочет поменять такую праздничную жизнь на серую бытовуху! Вон сколько девочек молоденьких, прямо сами на машину кидаются, шельмы!

– Вы долго будете сидеть? Расплачивайтесь, мы уже минут пять, как приехали, – влез в ее раздумья неприветливый шофер.

Кира расплатилась, выскочила из машины и уверенно направилась в первый подъезд.

Дверь девятой квартиры была обита самым обычным коричневым дерматином, она ничем не отличалась от остальных, но у Киры почему-то сердце затрепетало где-то в горле, а дышать она стала неприлично часто от волнения. Она набрала в грудь побольше воздуха и изо всех сил нажала на звонок.

Неожиданно мелькнула мысль – а вдруг этот Кауров сейчас не один? А если у него имеется вполне законная жена?

– Вы кнопку-то отпустите, – посмотрел на нее Кауров, открыв дверь.

Да, определенно все эти волнения выбили Киру из колеи, она даже не заметила, что он уже открыл. Кауров почему-то совсем не был похож на опера. Даже на бывшего. Крепкий, высокий, коротко подстриженный, он серьезно смотрел на Киру, а губы его так и норовили расползтись в иронической усмешке. И самое обидное – он совсем не был похож на неудачника!

– Я к вам, – шагнула Кира за порог, не ожидая приглашения. – Вы черствый, грубый мужик, у вас нет сердца, вы бросаете несчастную даму в беде, вы наглец.

– Сейчас вытолкаю вас за порог и захлопну дверь, – вежливо предупредил хозяин, и губы его опять дрогнули. – У вас есть деньги на обратную дорогу?

– Ни фига! Я никуда отсюда не уйду! У вас есть жена?

– У меня есть нечто пострашнее, – усмехнулся Кауров и крикнул в комнату: – Босс!

Из комнаты неторопливо вышел огромный пепельный дог и уставился на хозяина. Вернее, дог был голубой. Самый настоящий голубой, но в последнее время Кира даже слово это опасалась произносить – на телеэкранах и в быту так испохабили этот цвет, что для себя она решила – пес пепельный.

– Впечатляет? – спросил Кауров, щурясь, как кот, и все еще не приглашая даму в комнату.

Кира вытянулась в струнку, от обиды у нее запрыгал подбородок: такой подлости она не ожидала.

– Ну? И какую сказку вы хотели рассказать мне на ночь? Что-то про страшное похищение и еще про дикую угрозу, так, по-моему? – всю кривлялся довольный собой Кауров. – Вы здесь будете сочинять, или в кухню пойдете? Или вы намерены, как Шехерезада, излагать все в спальне?

Кира устало слушала его болтовню, и он ей делался с каждой минутой все противнее. Кого он из себя корчит? Надо же, пса позвал, герой! Можно подумать, она силой его брать пришла. Презрительно хмыкнув, Кира безнадежно помотала головой и выскочила из квартиры.

Поймав такси, она добралась домой без приключений. Уныло прошла в комнату, еще раз добрым словом вспомнила бывшего супруга и попробовала вновь снять напряжение слезами. Однако плакать она не могла – ее распирало от злости. Так что же делать? Что?! А ничего! Не надо ни на кого рассчитывать, следует надеяться только на свои силы. Завтра с утра она позвонит Русковым и сообщит, что нашла частного детектива, который вплотную займется поисками. В крайнем случае, можно позвать на подмогу Машу, подруга своими габаритами непременно внушит мамаше если не уважение, то хотя бы опасение, и, может быть, Рускова оставит Ольгу в покое, пусть хотя бы ненадолго. За это время Кира сама раскроет это похищение. Ну, пусть не раскроет, но что-то предъявить им сумеет! А это «что-то» окажет неоценимую помощь в поисках Димки. Бедный парнишка, где он сейчас? Ладно, если ему тепло, сытно и не страшно, а если нет? Кира все же не удержалась от слез, а потом, наревевшись досыта, забылась беспокойным сном.

Проснулась она от того, что кто-то бесстыдно ее разглядывал.

– Крепко же вы спите, – хмыкнул неизвестно откуда взявшийся Кауров. – А говорили – горе, беда, помогите!

Кира на минуту представила, как она сейчас смотрится: без макияжа, с расквашенной после ночных слез физиономией, и повернулась к незваному гостю спиной.

– Ничего себе! Перед ней мужчина стоит, можно сказать, помощь пришла, а она – тылом поворачивается! – возмутился Кауров.

– Выйдите немедленно, мне надо привести себя в порядок, – рывкнула из-под одеяла Кира.

Кауров, хмыкнув, великодушно удалился.

Кира вскочила и ринулась в ванную комнату... Свежая, неброско накрашенная, она почувствовала себя куда уверенней, однако выходить к Каурову не спешила. Она просто его не замечала. Интересно, правда, узнать, как он вызнал ее адрес, как проник в квартиру... но чем меньше мужиков спрашиваешь, тем они охотнее рассказывают.

– Алло, Маша? Твой дома? Ах, опять в командировке? Вот что, спустись ко мне, разговор срочный.

Маша неслась по подъезду так, что у Кире в серванте позвякивала посуда. Кауров с фальшивым вниманием разглядывал журналы по вязанию.

– Зачем звала? – ворвалась подруга, тяжело дыша.

– Маша, нам с тобой нужно расследовать серьезное дело – похищение ребенка! – с суровым лицом сообщила Кира.

Маша с готовностью мотнула головой и тут заметила гостя.

– Кира-а-а, а ты не одна? – тут же кокетливо замурлыкала она, превращаясь из слонихи в кошечку, пусть даже излишне упитанную. – А я ничего... вам не очень... помешаю?

– Ах, ты про этого, не обращай внимания. Он тут случайно появился... Наверное, ключ у меня спер, а теперь вот сидит, вязать надумал, – махнула рукой Кира и принялась красочно рассказывать все, что знала о похищении Рускова Димы.

Конечно, она старалась именно для Каурова, поэтому подробно останавливалась на деталях, поясняла, кто есть кто, и даже высказала свои соображения:

– Я думаю, мне надо самой с ребятней поговорить, не может быть, чтобы они Диму не видели. Завтра же на работе опрошу всех детей.

– Неправильно, – не выдержал Кауров. – Надо не завтра, а прямо сегодня пройтись по домам и поговорить не только с детьми, но и с родителями, они же приводили своих детей, могли что-то заметить.

– Вот, правильно он говорит, я сама только что хотела так сказать, – поддакнула Маша и постаралась красиво закинуть ногу на ногу.

Ножка была кругленькая, бутылочкой, она соскочила с коленки, и «красивости» не получилось. Однако гость этого, похоже, не замечал. У него был серьезный, сосредоточенный взгляд, и думал он явно не о женщинах.

– А что родители? – снова спросил он.

– Родители? Расстраиваются, с ума сходят. Я же говорю – Дарья Ивановна грозилась убить мою дочь Ольгу. Очень дикое намерение – я никогда не обижала Диму...

– К ним придется еще раз наведаться, – задумчиво проговорил Игорь Андреевич и вдруг очнулся. – У вас чай-то есть в доме?

Маша с готовностью вскочила и понеслась на кухню готовить чай.

– Кира, не стойте столбом, одевайтесь, сейчас поедем к детям и родителям, – скомандовал Кауров. – Да, и еще: давайте перейдем на «ты». Очень неудобно «выкать» каждый раз. Значит, меня можно звать просто Игорем...

– А меня можно просто Маша, – высунулась из кухни подруга. – Идите чай пить. Я и кофе сварила, давайте к столу.

Кира все еще продолжала «не замечать» гостя, однако послушно села к столу.

У них был целый список детей, которых следовало опросить. Многие родители уже знали о случившемся, некоторые еще были в неведении, но принимали их везде охотно.

– Вы к нам обязательно заходите еще и непременно позвоните, когда узнаете, что там с Димой, – провожали их из каждой квартиры.

Обойти и взволновать расспросами удалось всех, а вот узнать что-нибудь новое не получилось. Никто не видел в этот день Диму.

– Теперь идем к Русковым, – скомандовал Кауров.

На него приятно было взглянуть – глаза горели, руки трепетали от нетерпения, а голос стал мягким и вкрадчивым. Такой кого угодно разговорит! И все-таки даже с ним Кира не хотела идти к Русковым.

– Может, вы сами как-нибудь аккуратненько, а? Ну, скажете, что вас послал наш районный отдел милиции? – канючила она, продвигаясь к Димкиному дому.

– Да, конечно, мы сами ходим, а что? – радостно поддержала ее Маша, косясь на Каурова и словно невзначай поправляя прическу под шапкой.

– Не выйдет. Пойдем все вместе, кстати, его мать сейчас может быть в более спокойном состоянии, так что бояться вам нечего, – отрезал Кауров и зашагал быстрее.

– Кира, у него даже машины нет, он тебе совсем не подходит, – горячо зашептала подруга, приблизив губы к самому уху Киры.

– А я его и не собираюсь очаровывать, – фыркнула та.

– Вот и правильно, вот и верно. Вспомни Леонида, он, конечно, у тебя тоже был не фонтан, но хоть колеса при нем имелись! А этот... Только и сойдет... так, знаешь, на роль мимолетного любовника... мне, например.

Кира только вздохнула. Что ж, если Маше так хочется, пусть попробует, вот уж картина будет!

Дверь у Русковых открыл отец – Антон Петрович. Он был одет в черную рубаху и такие же черные брюки. Кира даже осудила подобную поспешность, но не диктовать же взрослому человеку, во что ему наряжаться.

– Кира Сергеевна? Проходите, – безучастно отошел он в глубь квартиры.

– Познакомьтесь, это мои знакомые... очень профессиональные детективы – Игорь.

– Игорь Андреевич, – представился Кауров, уверенно прошел в гостиную и сразу засыпал Рускова вопросами. А Маша так и осталась с протянутой для знакомства рукой в коридоре.

Пока женщины раздевались, прилаживали одежду на вешалку, а потом робко усаживались на диван, Игорь уже вызнал почти все, что ему было нужно.

– Скажите, а есть ли у вас родственники поблизости? – что-то записывал он.

– Нет, родственников у нас вообще нет. Мать у меня умерла в прошлом году, отца никогда не было, я сам становился на ноги и, собственно, все, чего достиг, сделал своими руками. С Дашенькой, – печально говорил Русков и опускал голову все ниже.

Вероятно, заслышав свое имя, в комнату ворвалась Дарья Ивановна. Вид у нее был ужасный – волосы не расчесаны и скатались на затылке в колтун, вокруг глаз – черные ямы, кожа серая, а взгляд – совершенно безумный. Завидев ее, Кира вся сжалась и постаралась спрятаться за огромную, точно сервант, спину Маши.

– Дашенька, ну зачем ты вышла? – кинулся к ней супруг. – Врачи же запретили тебе подниматься! Ты себя не щадишь.

– А... мне незачем... щадить себя, – отрывисто прошипела Дарья Ивановна и хищно уставилась на Киру. – Ты помнишь, что я тебе обещала?! Торопись, у тебя хорошая девочка – просто яблочко... Мой Дима тоже был хорошим, но... Ты не уберегла его! А теперь... ты тоже станешь такой же, как я! Не нравится? А мне...

– Прекратите истерику! – неожиданно рявкнула Маша. – Что это вы себе позволяете?! Вон, посмотрите, Кира только воспитательница, а уже все ноги сбила, вашего сына ищет! А вы! Вырядились в траур, сидите, на людей шипите! Представьте – приведут вам сегодня вашего сына, а он вас увидит – и снова сбежит! Разве ребенку можно такую мать показывать?!

Рускова широко раскрыла глаза и уставилась на Машу, будто только что ее обнаружила. Потом захныкала и поспешно убежала в свою комнату.

– Ты чего на нее так? – толкнула локтем подругу Кира.

– А она чего? Ей нельзя расслабляться. Так и в самом деле до чего угодно дойти можно.

– Дашенька очень мучается. Просто разум потеряла, врачи говорят, у нее очень опасное состояние, – извинился за жену Русков.

Кира чувствовала себя препаршиво. Выходит, нет никакой надежды на скорое выздоровление... Как же ей дочь сберечь?

– Вы бы придержали жену-то, – словно подслушав ее мысли, кивнул на дверь Кауров, – не ровен час, она и правда бед натворит.

– Нет, она смиренная, только на словах змеей шипит, а так...

От Русковых они уходили с неприятным чувством. Что-то здесь было не то... Конечно, трудно предположить, как именно человек поведет себя в тяжелой ситуации, но чтобы так, как Дарья Ивановна... Хотя, может, это и нормально – с точки зрения психолога?..

Кауров ни с кем делиться своими соображениями не стал. Он уверенно шагал в одному ему известном направлении. Вскоре троица оказалась возле пятиэтажки. Кира ее уже знала – это был дом самого Каурова, поэтому решительно затормозила.

– А что – мы теперь к вам идем? – уставилась она на Игоря Андреевича.

Тот только сейчас сообразил, что следом за ним послушно тащатся две дамы, и с досадой крякнул:

– Ну... получается, что ко мне. Черт! Кира, мы же договаривались на «ты»! Пойдемте... Приглашаю вас... Кофе попьем... Правда, сначала в магазин заглянем, я как-то не ждал сегодня гостей...

– Извини, Кауров, я сейчас не могу ходить по гостям. Настроение не то, – скривилась Кира и дернула за рукав Машу.

Та, напротив, явно обрадовалась такому повороту событий, незаметно отцепила подругу от своего рукава и прибавила шаг.

– Конечно, Игорь, непременно надо зайти! У меня тут возникла парочка вопросов... И еще – пуговица отвалилась...

Она-таки отлепилась от Киры, поспешно догнала Каурова и, взяв его по-свойски под руку, уже не оборачиваясь, потопала к нему в гости.

Да уж – подруга, не задумываясь, могла пожертвовать ради Киры жизнью, но вот мужиков она не отдавала никому!

Дома Кира улеглась на диван и попыталась собрать мысли в «кучку». Однако этих мыслей было так мало, что кучки никак не получалось. Ну и что с того, что они сегодня перелопатили весь район, обошли всех, кто мог хоть что-то видеть? Никто не видел ничего. Опять же – Русковы... Что-то в них очень Кире не нравилось. Хотя что ей там должно нравиться, все понятно – отец, убитый горем, мать немного не в себе, прямо скажем, разума лишилась... Вот черт, жалко, что Кира до этих пор не общалась с умалишенными... только с Машей. На что психи вообще способны?

Кира притащила на диван чашку кофе, устроилась поудобнее и принялась размышлять дальше.

Так, если воруют ребенка, возникает вопрос – для чего? Первая версия: с целью выкупа. Но Русковым никто не звонил, никакого выкупа не требовали, Кауров при Кире об этом спрашивал. А может, еще рано, позвонят? А еще зачем? Могут украсть, чтобы проверить какие-нибудь дела с наследством. Но здесь тоже, похоже, не тот вариант – у Русковых нет родственников, хотя про Дашину родню он ничего не успел рассказать. Вот бы узнать кое-что о самих Русковых не с их слов... что это вообще за люди, какое у них окружение? Ведь если разобратся, Дима паренек не глупый. С первым встречным он не пошел бы и в богатые подарки тоже не поверил бы. Ему вообще в разуме не откажешь. Если бы парня стали забирать силой – он бы стал кричать, однозначно, а в это время возле детского сада всегда много народу, родители идут сплошным потоком. Значит... Значит, надо искать кого-то знакомого. И желательно искать его без ведома родителей, те не поверят в черные помыслы своих друзей. Никогда не верится, что твои близкие способны на пакость. Даже она, Кира, до сих пор не верит, что от нее отказался собственный супруг. Ну да Бог с ним, сейчас не об этом речь.

Кира лихорадочно стала придумывать, как бы ей поудобнее подобраться к окружению Русковых. Ее интересовал даже не сам Русков, а его жена Дашенька. Кира подбежала к телефону.

– Алло, Денис? А Иру можно? – вежливо спросила она у супруга Петровой. – Ир, ты мне нужна!

– Кира, это ты? Что у тебя за фишка появилась – звонить, когда люди уже ничего не соображают... Тебе что, опять нужен чей-нибудь адрес?

– Нет, мне теперь не адрес, мне ты нужна, целиком! – азартно затараторила Кира.

– А я тебе зачем? У тебя что с тем мужиком, как его?

– Кауров Игорь Андреевич, – нехотя проговорила Кира.

– Вот, точно, у тебя с ним что, ничего не вышло?

– Ой, Ира! Ну о чем ты сейчас думаешь? На кой черт мне твой Кауров?! Он... он неудачник какой-то... потом, он еще... хам, и... и у него нет машины! Ну что это за мужик?!

– А я тебе сейчас зачем? – ничего не понимала Ира.

– Да не беспокойся, не сейчас. Ты мне скажи, когда у тебя следующая смена?

Ира наверняка спала – и крепко, потому что соображала туго. Она молчала целую минуту, потом вспомнила:

– Я завтра выходная. Видишь же, сегодня отсыпаюсь.

– Замечательно, – даже взвизгнула Кира. – Завтра я с работы в два часа дня прихожу, так ты ко мне, пожалуйста, в половине третьего забеги, а? Очень нужно. Расскажу, не поверишь!

Ирина что-то невнятно промычала, на том они и расстались.

– Та-а-аак, и что же мы придумали? – раздался совсем рядом мужской голос. – Решили поиграть в детектива? Сразу предупреждаю – опасные игрушки.

Кауров стоял, прислонившись к косяку и, похоже, пользоваться отмычками заторным в принципе не считал.

– Какие идеи появились? – спросил он.

Кира не собиралась ему докладывать о своих замыслах. Совсем даже наоборот. Она теперь решила сама раскрутить это дело, найти похитителя, а потом с гордо поднятой головой доложить, что преступник обнаружен – так, словно между прочим. Нет, конечно, если Кауров желает, он может продолжать заниматься поисками, только не с ней, а... с Машенькой!

Кауров же о мыслях хозяйки не ведал, а потому удобно расположился в кресле и одним залпом выдул из ее чашечки весь кофе.

– О чем думаешь? – снова спросил он. – Знаешь, мне...

– Кауров, я даже детей учу – прежде чем войти, стучитесь!

– Не хотел тебя от мыслей отвлекать. И потом, ты ведь могла и не впустить! Не отвлекайся. Так что ты решила?

– Я решила? Я решила, что вас с Машенькой вдвоем не потяну, мне без вас удобнее. Так что... – Кира развела руками. – Извиняй, в твоей помощи я больше не нуждаюсь.

– Фигня получается! А Ольга? Я вот посмотрел: эта Даша всерьез решила тебя запугать. Зачем? Чтобы ты не лезла куда не надо? – озаботился он.

– Ну как же не лезла?! Она же, наоборот, говорит, что я должна вернуть ей сына! То есть, она хочет, чтобы я искала!

Кауров молчал и разглядывал чашку с огромным вниманием.

– А для чего тебе подруга? Ну, ты кому звонила? Ты куда-то собиралась завтра с ней, да? Куда? – спросил он.

Кира внимательно посмотрела на Игоря, потом честно предупредила:

– Ты вот что, Кауров, если думаешь, что это я Димку куда-то запрятала – ошибаешься. Даже времени на подобные подозрения не трать. Мне это просто незачем – во-первых; во-вторых, я страшно боюсь тюрьмы, а в-третьих, мне некуда его девать, у меня квартира не позволяет. Кауров, тебе трудно это понять, но я просто люблю детей. Я не могу им страдания причинять. Я вообще людей люблю – детей, стариков, женщин наших измотанных, мужиков тоже...

– Саморекламу прекращай, давай о деле, – сухо перебил ее гость и достал тетрадочку, в которую у Русковых он что-то записывал. – Вот, посмот...

Звучная трель звонка прервала его на полуслове.

– Кира! Ты не представляешь! – ворвалась в квартиру радостная Маша, но, увидав Каурова, тут же примолкла. Однако ненадолго: – Игорь, а ты здесь какими судьбами? Ты же меня проводил и собирался домой?

Кира не желала присутствовать при их разборках и уперла руки в бока.

– Машенька, у тебя еще Толик не вернулся? Так ты пригласи к себе господина Каурова и воркуйте сколько душе угодно, а у меня завтра работа, еще кое-какие дела...

– Какие? – в один голос рявкнули гости.

Но Кира только махнула рукой и чуть не силой вытолкала их из дома.

На следующий день Кира вновь увидела в вестибюле детского сада троих детей без родителей.

– Коля! Почему тебя мама до группы не довела? Ну что же это такое? – возмутилась Кира халатности мамаш.

– А она сказала, что вашего Рускова только из-за денег сперли, у него один пуховик стоит столько, сколько я вместе со всем своим граде... гарде... гробом! – браво выкрикнул Коля Плотников. – Кому я нужен?

Кира знала: в семье Плотниковых попивают, мамаша не работает и ей совсем не до детей. Но проводить-то мальчонку она могла!

– Коля, ты стоишь больше, чем все гардеробы на свете. Просто потому, что ты – человек! Понял? А у людей нет цены, их нельзя купить... пойдём в группу, – прижала она к себе взлохмаченного Плотникова.

Она проводила занятие, а у самой в душе плескался какой-то мутный осадок. Действительно, Колина мамаша права: Диму могли украсть, заманить куда-то только из-за его одежды, мальчишка, что называется, был упакован богато. А это значит, что его могли похитить даже подростки. А если почитать, на что только способна наша молодая поросль... И, скорее всего, к подросткам Димка бы подошел, он слишком уверен, что уже взрослый и отвертеться от мальчишек старше его на пять – семь лет всегда сумеет. А это заблуждение, и еще какое – не всегда даже взрослый сможет отбиться от группы обезумевших подростков. Тут есть три варианта – они могли его просто раздеть и отпустить. Однако Дима мальчик большой, мог бы вернуться домой, забежать, пусть даже раздетый, в подъезд, поднять тревогу. Это, скорее всего, и похитители понимали. Отсюда следует второй вариант – его раздели и... даже страшно это произнести. Его раздели и... убрали! Да, могли похитить с целью выкупа, но ведь звонков к Русковым не поступало. Значит?.. Что-то по всем раскладам получается, что Димка...

– Кира Сергеевна! А Вовка Ершов в меня иголкой тыкает! – заверещала Леночка Салтовская, старательно долбя обидчика по голове кеглей.

– Я не колюсь! Я с тобой хотел в больницу поиграть! – ревел Ершов. – Ты как будто больна-а-ая, тебе надо операцию дела-ать, на гоо-о-лову, мозги-ии вшивать, а то ты дура – дуру-о-ой!

Раньше бы Кира тут же завела старую песню – нельзя обзывать, драться некрасиво, девочек надо любить, мальчиков – уважать, но сейчас ее будто шарахнули током. Господи! Диму могли украсть на органы! Да, она слышала, сейчас почему только людей не воруют – кого-то целиком продают, а кого-то по «запчастям», на органы! С каждой минутой ей становилось все страшнее. Кира уже не помнила, как доработала до конца смены, уже в голове все перемешалось, версии надо было срочно записать и, где только можно, попробовать что-то выяснить.

Она выбежала за ограду детского сада, и тут же дорогу ей преградила лаковая, черная иномарка.

– Вот, прямо больше встать им негде, – ругнулась Кира и принялась обходить машину. Машина снова продвинулась, не давая женщине пройти.

– Да что же это такое? – чуть не разъехались ее старенькие сапоги на скользком февральском льду.

– Садись, – раскрылась дверца, и показалась насмешливая физиономия Каурова. – Садись, не бойся, это моя. А то жалуешься всем, кому попало, что у меня машины нет.

Ясно. Он вчера слышал весь ее разговор с Ириной! Ну никакой личной жизни! Нет, надо у Ирочки поточнее выяснить, кого же она в ресторане называла неудачником?

Кира плюхнулась на переднее велюровое сиденье и предупредила:

– Мне тут за углом, недалеко.

– Я помню. Так зачем тебе подруга? Может, и я на что сгожусь?

– Нет, ты уже на что мог – сгодился, – фыркнула Кира. Он ей сегодня и правда был не нужен. Его Русковы уже видели, а нужно было совершенно новое лицо.

– Ну, Кир, ну хватит дуться! – не выдержал Кауров. – Что ты пыхтишь? Мы же решили, что все дела ведем вместе, а ты что-то придумала, может, вызнала что-то, и вся такая... хреновато-загадочная!

– Останови машину, а то я выпрыгну! – взвилась пассажирка. – Ты когда перестанешь меня оскорблять?! Останови, говорю!

– Ой, выпрыгнет она! Да здесь скорость двадцать километров в час, чего ж не прыгнуть! Ты мне только дверцы помнешь. Нет уж, сиди. И вообще, – начал накаляться Кауров, – веди себя прилично! Сначала натравила на меня подругу свою... озабоченную! Знаешь ведь, что я

терпеть не могу назойливых! А теперь что-то скрывает! Быстро говори, что придумала, а то собаку натравлю!

Кира не успела рассмеяться, как почувствовала на своей шее влажное дыхание. На заднем сиденье сидел и улыбался – да-да, она не ошиблась – улыбался во всю свою огромную пасть Босс, собачка Каурова, ростом с телят.

Кира вытянула шею, вся подобралась и лихорадочно заморгала глазами.

– Ты что? – не понял Кауров.

– Так вот же... – Кира слегка повернула голову, и в тот же миг сырой теплый язык дога слизнул с ее лица весь утренний макияж. Видимо, на губах еще осталась помада, потому что собачка понюхала Киру в самые губы, потом в нос, в глаза – и еще два раза ее облизала.

– Босс, фу! – резко прикрикнул Кауров и извинился перед Кирой. – Ты прости, он голодный.

– Ага... так он меня съесть хотел?

– Не говори ерунды, лучше давай, делись соображениями. А я, кстати, могу поделиться своими. Я тут тоже кое-что вызнал. Оч-чень интересное!

Делиться соображениями в машине не пришлось – они уже стояли возле подъезда Киры. Однако ей пришлось сознаться, что покормить гостя нечем, тем более хвостатого господина, который уже примеряется к самой хозяйке.

– Какие проблемы, сейчас заедем в магазин и все купим, – отмахнулся Кауров и повернул машину к супермаркету.

Кира почувствовала себя совсем скверно. Конечно, там-то можно было купить все и на любой вкус. Были бы деньги. А их-то как раз и не было.

– Ой, а я кошелек дома забыла! – нелепо соврала дама.

Кауров мельком взглянул в маленькое зеркальце на ее пунцовые щеки и пробасил:

– Давай договоримся, я – твой соратник, скажем так, а совсем не альфонс какой-нибудь. Себя и свою собаку я всегда буду кормить сам.

«Неплохо бы и меня иногда», – чуть не брякнула Кира, но прикусила язык.

– Кстати, не выпендривайся, если и тебя угощу, – читал ее мысли водитель.

«Да ради бога! У меня, кстати, и сапоги прохудились», – снова подумалось Кире, но сказала она совсем другие слова:

– Вот только не надо меня брать на содержание! Я просто не успела забежать в магазин, а вообще-то я в деньгах не нуждаюсь!

– Да кто спорит! – не удержавшись, расхохотался Кауров, глядя, как Кира гордо дернула плечами, и у нее от этого движения треснула по шву старенькая шубка. – Кирочка, у нас каждый ребенок в стране знает: врачи, учителя и воспитатели – это подпольные миллионеры! А маленькая зарплата – это просто отмазка от налогов.

Кира не стала спорить, и домой они вернулись, нагруженные пакетами, точно мулы.

– Ого, вот это темпы! – встретила их возле двери Ирочка.

Она, как и договаривались, прибежала к назначенному часу и вот уже неизвестно сколько времени маялась у закрытой Кириной двери. Маши тоже не было дома, поэтому подруга уже перекостерилась сама себя на десять рядов за то, что не смогла вчера отказать Кире.

– У нас что – праздник души? – хитро шурилась она, поглядывая на Каурова, но, увидев Босса, который с достоинством тащил пакет с собачьим кормом, воскликнула: – А это кто такой солидный? Кира, ты берешь мужа с ребенком? Боже, какое самодовольство!

– Так это же кобель! Ирочка... нет, Игорь... – металась Кира, пытаясь одновременно открыть двери, пристроить сумки и объяснить, в чем дело. – Короче, так: сейчас ты, Игорь, подождешь меня дома, приеду и все объясню. А мы с тобой, Ирочка, съездим в одно место. Только мне надо собрать кое-какие атрибуты. Ир, как думаешь, ты артистка хорошая?

Ира, ничего не понимая, переглядывалась с Игорем, но тот тоже только пожимал плечами.

– Все, готово, поехали. – Кира схватила сумку и направилась к дверям.

– Дай-ка, – взял из ее рук сумку Кауров и уверенно сообщил: – Я вас отвезу, куда надо, потом подожду, а заодно ты мне расскажешь, зачем ты взяла большие ножницы?

Спорить было некогда, да и не хотелось. Босс, тоже решив, что без него не обойдется, с сожалением глянул на пакет и поспешил за хозяином.

Возле машины произошла небольшая заминка. Кауров галантно распахнул перед дамами дверцы и улыбнулся, как самый вышколенный лакей.

– Прошу!

– Нет-нет, сначала собачка! – игриво заявила Ирочка и раскрыла заднюю дверцу. – Песик, садись!

Песик уставился на хозяина и, казалось, даже пожал плечами.

– Садись, садись, я так хочу, – привычно капризничала Ирочка.

Пес легко прыгнул на сиденье.

– Умная собачка, а теперь я, – занесла Ирочка ножку в машину. Оттуда послышалось грозное предупреждающее рычание. – Мамочка! Он что, сбрендил?!

– Простите, не предупредил, это его маленькая блажь, – пряча улыбку, объяснял Кауров. – Понимаете, Босс охраняет машину, вот и все. Сейчас, по его понятиям, вы решили занять чужую территорию. Босс, вылезай.

Собака так же легко выпрыгнула.

– Вот, теперь свободно можете усаживаться.

– Я на переднем, – быстро прыгнула Кира на переднее сиденье. Ирочка, сцепив зубы, уселась на заднее.

– Босс, вперед, – скомандовал Игорь, и дог занял место рядом с дрожащей пассажиркой.

– Скажите, а он не начнет меня жевать? – еле слышно пролепетала Ирочка.

– Нет, конечно, что вы. Он теперь вас охранять будет.

– Он увидел все-таки во мне женщину? – посвободнее уселась Ира.

– Скорее, чемодан. Так куда мы едем?

– Сейчас к Русковым, – объяснила Кира и принялась растолковывать Ирочке ее задание. – Понимаешь, ты сейчас войдешь в квартиру... тридцать шесть, это на третьем этаже, направо. Тебе, скорее всего, откроет такая женщина... Ну, в общем, она немного не в себе. И ты станешь говорить, что ты – парикмахер, ходишь по домам, делаешь стрижки!

Ирочка судорожно сглотнула.

– Кира! Ты свихнулась? Я же совершенно не умею стричь! Ты моей смерти хочешь?

– Не кричи, Босса волнуешь. Тебе и не надо никого стричь! Пойми, по моему сценарию эта самая дама, которая не в себе, обязательно откажется. А ты к ней приставай, дескать, у нее прическа не порядке и все такое. Тогда она тебе скажет, что ты ни фиги не смыслишь в прическах. Потому что она стрижется в лучших салонах. Она и правда в лучших стрижется. А потом ты станешь канючить, что, дескать, тебе бы неплохо было поучиться у мастеров. Попрошишь у нее адрес ее мастера.

– Ну?

– Ничего не «ну». Он-то нам и нужен! – наконец выдохнула Кира.

Ей самой ее план казался замечательным, непонятно только, почему к нему так холодно отнесся Кауров.

– А если она согласится? – спросил он.

– Что согласится? Стричься? – не поняла Кира. – Тогда она глубоко психически больна, и ее сможет постричь даже Ирочка. Все, Ира, иди, мы тебя здесь подождем.

– Хорошо, а как она выглядит, эта женщина? – решила уточнить подруга.

Кира задумалась. Действительно – как?

– Она обычная, как все.

Кауров остановил машину недалеко от подъезда Русковых и развернулся к Ирочке всем телом.

– Высокая женщина, волосы чуть каштановые, немного ниже плеч, глаза серые, нос с небольшой горбинкой, губы чуть полноватые, но это ее не портит, даже напротив. У нее небольшая родинка возле левого крыла носа, длинные, нервные пальцы, на правом безымянном – кольцо, скорее всего, с бриллиантом. Да, а в остальном... вполне обычная.

Подруги сидели, неприлично раскрыв рты.

– Откуда ты знаешь? Ах да, ты же видел... – заморгала Кира. – Ирочка, иди.

– Нет, Ирочка, сидите. Надо соблюсти ритуал, – выскочил Кауров, выпустил пса, потом из машины вальяжно выбралась Ирочка, пес снова прыгнул на место, и только после этого Кауров уселся обратно.

– Слушай, а почему он на меня не рычал? Когда я возле детского сада к вам в машину прыгнула? – спросила Кира.

– Он тебя раньше видел. Ты же заявлялась ко мне на дом, – напомнил Игорь и нахмурился. – Нет, все-таки это глупая затея. Зачем, спрашивается, тебе нужен адрес этой неизвестной парикмахерши? Ты что – к ней хочешь записаться на стрижку? Так у тебя никаких денег не хватит.

Кира надменно дернула плечом, но вспомнила, что совсем рядом сидит злобный охранник, и фыркать поостереглась.

– Видишь ли... Ну не нравится мне эта Рускова! Нет, не то, чтобы не нравится, а скорее... я ее не понимаю, ведет она себя странно...

– Чего непонятного? У женщины пропал единственный ребенок.

– Да она им никогда не занималась! – забыв про пса вскричала Кира. – В садик Димку водил отец, из садика – тоже отец! Правда, на родительские собрания она приходила... и Дима о ней тепло отзывался. И все равно! Если уж кому и надо с ума сойти, так это Антону Петровичу. Ну, да я не об этом. Понимаешь, она нам никогда до конца не откроется, правильно? Ну вот. Такие дамочки, как она, с прислугой не разговаривают, хотя у Русковых, кстати, прислуги и нет никакой. Зато она разговаривает со своим мастером! Даже если у нее есть близкая подруга, голову даю на отсечение, что они стригутся у одного мастера.

– Понятно. Короче, если мы найдем парикмахера, мы найдем собеседника, так я тебя понял? Ну что ж, неплохо.

– Хорошо бы на работу к Дарье зайти... или к Рускову, – мечтательно заявила Кира.

– Я был у нее на работе. Хотел, правда, и к Рускову зайти, но он, оказывается, человек творческий, поэт, а посему его рабочее место – по месту прописки.

– Да, я знаю, у нас в журнале есть все сведения о родителях. Поэт, и даже обещал стихи свои подарить.

– Кстати, про Дарью Ивановну никто толком мне ничего не сказал. Сообщили, что она – генеральный директор фирмы «Талис», занимаются там речными перевозками, женщина деловитая, серьезная, всех коллег держит на расстоянии, а потому о своем, о девичьем, ни с кем не делится. Пришла – отработала – ушла, все! Я и сам не знал, как к ней подобраться, а тут ты со своей выдумкой.

«Знай наших!» – подумалось Кире, но Кауров тут же о ее сообразительность вытер ноги.

– Очень глупая затея, между прочим. Отправили человека черт знает куда! Рускова не совсем здорова, а если с Ирочкой что-нибудь приключится? Да, кстати, она замужем?

Киру перекосило. Конечно, Ирочка вон какая хорошенькая, просто куколка – у нее и фигурка, и ножки... кривенькие, если присмотреться, и волосики реденькие, и грудки в помине нет... Стоп, так нельзя. Надо любить ближних. Даже тех, кто нравится Каурову.

– Вон она бежит, у нее и спроси, – Кира набычилась и уставилась в окно.

Пока повторялся уже знакомый ритуал – выпускали и выпускали пса, Кира пыхтела, подавляя обиду, но лишь Ирочка уселась, она тут же обо всем забыла.

– Ну что? Узнала?

– Хо-хо-хо, – дурачилась Ирочка, – узнала, а что мне за это будет?

– Я тебе любовника подарю! – расщедрилась Кира.

У Игоря немедленно вытянулось лицо, а шея его окрасилась свекольным румянцем.

– Любовник? Это как обычно – я ему на память пятьдесят тысяч, а он мне дырявые носки? Нет уж, изволь, – фыркнула Ирочка.

Кауров, точно хамелеон, теперь слился цветом с серой велюровой обшивкой.

– Куда? – процедил он.

– К Кирочке, – махнула рукой Ира и продолжала: – Нет, милая моя, ты мне должна пообещать мне всю себя, целиком. На целый месяц.

– К-х-к... – поперхнулась Кира. – Зачем это?

– Потом объясню, – загадочно улыбнулась подруга.

Кауров презрительно хрюкнул. Понятно, сейчас кругом сплошная свобода, дамы оборзели, даже мужика не стесняются! Кира все остальное время сидела вытянувшись, точно проглотила спицу.

– Запомни, Ирина, я еще не согласилась, – бросила она надменно, входя в комнату.

Подруга только весело рассмеялась – так была уверена в ее согласии.

Через десять минут, рассевшись на кухне и прихлебывая кофе, Кауров с Кирой слушали, как Ирочка провернула дело с парикмахером.

Еще на первом этаже она принялась стучать во все двери и зычно оповещать, что пришла делать стрижки на дому. Желающих, как и предполагалось, не оказалось. Вернее, нашлась парочка пенсионеров, которые было собрались привести свои кудри в порядок, но дамочка ошарашила их такой суммой, что волосы у несчастных чуть не повыпадали совершенно бесплатно. В тридцать шестую квартиру она позвонила уверенно, не переставая криком оповещать о своих намерениях. Дверь открыл мужчина, увидев покрашенную, хорошо одетую Ирочку, он удивленно вздернул бровь – эта дама была ему не знакома.

– Вы к кому? – вежливо спросил он.

– У вас в доме женщины есть? – звонко спросила Ирина. – Мне сказали, у вас жена имеется. Будьте любезны, позовите ее.

– Она... она сейчас не может выйти. А что вы хотели?

– Позовите жену, я уверена, она мне обрадуется, – не раскрывалась Ира.

– Антон, кто там? – послышался голос из комнаты, и в прихожую выплыла женщина.

Кауров описал Дарью совершенно точно – высокая, с бриллиантом на пальце, нос чуть с горбинкой. Она настороженно смотрела на незнакомку.

– Вот вас-то мне как раз и надо, – обрадовано воскликнула Ирочка и бодро ввинтилась в квартиру. Если стоять на площадке, они, чего доброго, и вообще ее не впустят, и разговор не получится. – Я именно то, что вам нужно! Вы посмотрите, какие у вас неухоженные волосы! А еще приличная дама! Я мастер-парикмахер. Сейчас вашу голову приведу в порядок буквально за тридцать минут!

– Извините, – сухо отрезала хозяйка, и лицо ее стало каменным. – Мне сейчас не до причесок. Поэтому прошу покинуть нашу квартиру!

Ирочка ясно поняла, что ее сейчас будут вышвыривать.

– Но позвольте! Я совсем недорого беру. Вы знаете, сколько сейчас берут за стрижку в салонах? Вы салоны посещаете?

– Да, женщина, я посещаю салоны, а сейчас...

– Не верю! Вот по вашим волосам этого не скажешь! Где вас так обкромсали? В «Дауре»? В «Настурции»? Хотя, подождите... простите, здесь и правда рука мастера... Это в «Калерии»?

– Это в «Арнэль»! Там высококлассные специалисты, смею вас заверить, – томно сообщила хозяйка и вознамерилась захлопнуть дверь.

Однако у Ирочки случился новый порыв вдохновения, и она радостно воскликнула:

– Так это Наташа?! – наугад ляпнула она одно из самых распространенных женских имен.

– Да... а вы что, знаете Наталью? – насторожилась женщина.

– Ну кто же не знает Наталью Иванову! Я у нее практику проходила. Она еще такая низенькая, рыжая, да?

– Нет, это не Иванова. И не рыженькая. Извините, вы меня и без того изрядно задержали, – хозяйка развернулась и направилась в комнату.

К Ирочке подскочил мужчина, который во время разговора молчком стоял у косяка, и торопливо стал ее выпроваживать.

– Прощайте, нам совсем не до вас. Просто не понимаю, как это Дашенька согласилась с вами болтать столько времени.

Однако Ирина окончательно вжилась в роль простоватой парикмахерши и заглянув в комнату, помахала хозяйке рукой:

– Пока! Передавайте привет Наталье!

Хозяйка даже не обернулась – она сидела у компьютера и с увлечением предавалась какой-то сложной игре.

– Подожди, Ирочка, а что она конкретно делала? – не поняла Кира.

– Небось, весьма заумная игра, при которой требуется немалая сообразительность, особенно на последних уровнях, правильно? – блеснул своими познаниями Кауров.

Ирочка дернула губой:

– Правда, для этого извилины иметь надо. Хотя... вы же обещали мне сумасшедшую дамочку? А эта ваша Даша была в полном рассудке. В подобную игру она не могла бы играть, не имея мозгов.

– Ой, не путайте меня! – раздраженно отмахнулась Кира. – А если компьютерщик с ума сойдет, вы хотите сказать, что он не сможет в игрушки компьютерные резаться? Это он в чем другом не сообразит, а тут... черт его знает, я же не психиатр.

– И я не психиатр, но у меня есть глаза – Даша нормальная! И вообще, с чего это вы решили ее в сумасшедшие записать? – недоумевала Ирочка.

– Потом, потом тебе все расскажу, – пообещала Кира и вдруг опомнилась. – Ой, а чего это я вас только чаем пою, мы же столько продуктов приволокли! Кауров, ты что молчишь? У тебя и собака не кормлена!

Игорь усмехнулся, уж за своего пса он был спокоен.

– Собака как раз – самый сытый организм среди нас – он спер из пакета и свой корм, вон, только клочки от обертки валяются, и нашей колбасой не побрезговал. Самостоятельный парень!

Кира принялась шустро собирать на стол, раскрывать баночки и коробочки, поставила воду дляпельменей, и вообще старалась показать себя замечательной хозяйкой. Ирочка не стала ужинать, ее и без того дома муж заждался, поэтому она вежливо откланялась, подмигнула Кире и исчезла за дверью.

– Вот... садись... – Кира позвала Игоря к столу.

Ей было чуточку неловко – всю провизию купил он, а она не привыкла жевать чужой хлеб. Однако на свой все равно денег не было, и Кира, чтобы скрыть смущение, даже немного постреляла глазами, но Кауров смотрел в пол и ее заигрываний не заметил. Тогда она решительно распустила волосы. Они у Киры были чуть ниже плеч, она их собирала в пышный пучок, но сейчас был такой момент, когда...

– Ты волосы резинкой зацепи, что ли. Вон, смотри, уже в пельменях твои кудри, – недовольно буркнул Кауров, и Кира от злости стала клубничного цвета. – Давай подумаем, с чего это Дарья Ивановна решила с нами в дурочку поиграть? Похоже, что она представляется ненормальной лишь в совершенно определенных случаях.

– Это только при мне, да?

– Не знаю. И, спрашивается, зачем?

– Слушай! – обрадовалась Кира и проглотила невозможно горячий пельмень целиком. Горло обожгло, она поморщилась. – Слушай, если она нормальная, значит, она не может Ольге моей навредить, да? Ведь не дура же она, в самом деле!

Игорь с сожалением посмотрел на собеседницу и отложил вилку.

– Кира. Я бы не торопился с пельменя... тьфу, черт! Я бы не торопился радоваться. Дарья Рускова что-то определенно задумала. Что именно?

– А не может быть, что она сама... Диму... того?..

Кауров не успел ответить. В коридоре раздался звонок.

– Ой! Главное, сами едят, а меня, главное, не зовут, – это заявила Маша и сразу принялась обижаться. – А я, между прочим, вас не объем. О! Хотите, бутылочку принесу?

– Нет! Да! – одновременно воскликнули Кира с Игорем.

– Я не хочу. Мне на работу завтра, – замотала головой Кира. – Ты, Марья, если хочешь, забирай к себе Каурова вместе с псом и пьянствуйте себе хоть до первых петухов. А здесь – не надо.

– Что это ты сегодня весь день мной бросаешься? – возмутился тот.

– А что? А и пойдем! Игорь, у меня такой коньяк! Сама делала, пойдем, ну? – заблестела Маша глазами и потащила мужика к себе.

Кира криво улыбалась, глядя, как Игорь тормозит ножками, а тучная Маша волочит его за собой, точно куль с картошкой.

– Босс, охраняй, – предательски шепнула она собаке, и пес одним прыжком сшиб обоих – и хозяина, и его «обидчицу».

– Уй-йй! – заверещала Маша неожиданно тонко и пронзительно.

– Босс, фу! – рявкнул Кауров, вскочил и, поправив джемпер, поймал насмешливый взгляд Киры. – Машенька, поднимайтесь, пойдемте, я вас провожу. Босс, с нами идешь или здесь останешься?

– Так он и ответит, – хмыкнула Кира. – С собой берите. И одежду тоже. Уже черт знает сколько времени, мне давно спать пора.

Гости удалились, и Кира припала ухом к двери. Подслушивать, конечно, страшно некрасиво, но... бывают случаи, когда без этого никак не обойтись.

– Ты, Машенька, на нее не обижайся, – успокаивал подругу Кауров. – Влюбилась в меня, прямо не знаю, что и делать. Чуть что – сразу на шею кидается. А ты, я смотрю, умеешь себя в руках держать.

– Да не... я как-то не особенно держусь... Если мужик нормальный, так чего толку в руках-то? – гнула свое Машенька.

– Не-е-ет, я знаю, ты скромная, верная жена...

– Не, ну я нормальная! При чем здесь верная-то?

– А я говорю – верная! На любого мужика не кидаешься! Запомни! Ладно, пойдем коньяк пить, я тебе лекцию прочитаю.

Дальше Кира слушать не стала. Ей вновь вспомнился разговор о нормальности Русковой, сердце тревожно защемило, и она решительно подошла к телефону.

– Алеоу? – промурлыкал молоденький женский голосок.

Кира откашлялась, отчего у нее тут же запершило в горле.

– Леонида пригласите, пожалуйста.

– А кто его спрашивает? – с надменным интересом спросила девушка на другом конце провода.

– Это... Это Кира. Он знает.

– Ленчик! Тебя какая-то Кира! – крикнули куда-то далеко, и тут же раздался недовольный тенорок бывшего супруга: – Я слушаю.

– Леня... Леонид, мне срочно нужно отправить Олю за границу. По турпутевке.

– Ну так отправляй, я не возражаю.

– Нет, ты не понял, это очень важно – вопрос жизни, честное слово! Я и сама бы отправила, но у меня таких денег нет, ты же знаешь.

Бывший супруг немного помолчал, а затем разразился:

– Наша дочь замужем, насколько я знаю. Вот пусть ее муж и обеспечивает ей путевки!

– Но, Леня!

– И не надо мне давить на психику! Я имею права на собственную личную...

– Подожди, ты хотел забрать тот перстень, помнишь, который мне свекровь дарила на годовщину свадьбы? Забери. Только отправь Олю!

– Н-ну. Он не стоит таких денег.

– Он стоит гораздо больше – старинная заказная работа, ты же сам говорил... бриллиант... Не возьмешь – я его завтра же продам!

– Но.

– Или завтра ты приносишь путевку, или я ее послезавтра покупаю сама. Все!

Кира бросила трубку на рычаг и шмыгнула носом. Плакать она не стала.

На следующий день у нее был запланирован поход в салон «Арнэль», но неожиданно позвонила Татьяна и попросила ее подменить, поэтому домой Кира вернулась поздно вечером и сразу же рухнула в кровать. Что и говорить, столько переживаний на ее долю еще не выпадало. Конечно, от нее ушел муж, но это было не так смертельно, как оказалось, есть в жизни куда более тяжелые ситуации. Вот, например, с Димкой. Где сейчас мальчишка? Жив ли? И почему так странно ведет себя его мамаша? Интересно, а милиция выяснила что-нибудь новое? Нет, наверное, иначе мальчик был бы уже у родителей. С этими невеселыми мыслями Кира и уснула.

Лишь на следующий вечер ей удалось попасть в «Арнэль». Конечно, пришлось занять денег у медсестры, у нее всегда все занимали. Но зато Кира в салоне чувствовала себя почти человеком. Вокруг нее все кружили, порхали и предлагали любые услуги. Правда, вначале она едва не прокололась.

– Вы по записи? – выпорхнула ей навстречу девушка и ласково улыбнулась, как близкой родственнице.

– Н-нет. я не записана, – промямлила Кира.

– Тогда не знаю, что вам предложить. У нас строгая запись! Салон пользуется популярностью, и мы не можем принять вас в ущерб записанным клиентам.

– А... А мне моя подруга – Дарья Рускова, говорила, что записала меня к своему мастеру. У нее, кажется, Наталья...

Девушка, услышав знакомое имя, принялась скакать вокруг Киры молодой антилопой, прижимать руки к воротнику и изображать раскаяние:

– Дарья Ивановна, вы говорите? К своему мастеру? Ах, какая неувязочка получилась! Представляете, как раз сегодня ее мастер Наталья отпросилась к зубному! Какая жалость!

– И что же – ее уже не будет? – набычилась Кира.

– Нет, что вы, конечно, будет! Только послезавтра...

Киру аж перекосило. Вот так всегда! Стоит ей только собраться в парикмахерскую, так обязательно или свет вырубят, или воду отключат, или, вот, пожалуйста, мастер решит с зубами расстаться!

– Я, конечно, понимаю, – она начала медленно накаляться. – У вашего мастера зубы. А то, что у меня волосы уже на спине расти начинают, вас не волнует! И это лучший салон! Немедленно...

– Но вас может обслужить другой мастер! Вот, Арина совершенно свободна!

– Свободна?! Догадываюсь, как она стрижет, если к ней ни один человек не отваживается сесть! Немедленно давайте мне адрес Натальи! Постараюсь сама с ней договориться, – пыхла Кира, старательно изображая капризную состоятельную клиентку. Свои потрепанные сапоги при этом она старалась запихнуть под кресло, подальше от юрких глаз девицы.

Девушка согласно закивала головой и поспешно принялась листать толстую амбарную книгу.

– Записывайте: Львовская, восемь, квартира пятьдесят. Это, знаете, как на правый берег ехать.

– На каком автобусе? – забылась на минуту Кира.

– А вы разве не на машине? – изумилась девушка.

– Да на ней, конечно! Только я... я так лучше соображу.

– Ах, ну конечно! Как семнадцатый автобус ходит, по его маршруту. Остановка – магазин «Детский мир».

Кира скривилась и, не попрощавшись, выплыла из салона. Ей казалось, что состоятельная дама должна себя вести именно так.

На семнадцатом автобусе она ехала минут сорок. Девушка не обманула – на остановке «Детский мир» блеснул стеклами огромный новый магазин с детскими товарами. А рядом стыдился своей серости старенький пятиэтажный дом, на котором висела табличка «Львовская, восемь».

Дверь Кире открыла дама неопределенного возраста, с перевязанной щекой. Волосы ее торчали дыбом, халат не блистал свежестью, и вообще трудно было поверить, что сама она является творцом дамской привлекательности.

«Боже мой, как же она говорить-то с зубом будет?!» – подумалось сыщице, но она решила не забегать вперед.

– Здравствуйте, это вы Рускову Дарью Ивановну... обрабатываете? – напористо начала она.

Страдалица замычала и отошла в сторонку, пропуская гостью.

– Замечательно, вот вы нам и поможете, – решительно двинулась Кира в комнату и деловито устроилась в кресле. – Значит, сообщаю вам пренеприятную весть – у Дарьи Ивановны случилось большое несчастье, и она... она от горя потеряла память. Понятное дело, женщину надо спасать, но сама она не справится. Я – ее лечащий врач, и взвалила на себя эту нелегкую ношу. А вы мне должны помочь! Сейчас вы постараетесь вспомнить, какие подруги у этой женщины имелись, с кем она общалась, короче – все, что знаете!

Наталья вытаращила глаза и попыталась открыть рот. Получилось это неудачно.

– Вы хотите потерять клиентку? Я же вам объясняю – в таком состоянии она пока не может у вас обслуживаться!

Несчастливая хозяйка ретиво замахала рукой у больной щеки, скорчила тоскливую физиономию, но потом, видимо, что-то сообразила, потому понеслась в соседнюю комнату и притащила бумагу с карандашом. Быстро нацарапав что-то на листке, она протянула его Кире.

«Я не могу говорить. Совсем! Но очень хочу помочь».

– Я вас понимаю. Давайте так – вы сейчас напишите фамилии и имена всех знакомых, кого когда-либо упоминала Рускова, а уже с ними мы попытаемся помочь восстановить несчастной память.

Наталья закивала головой и тут же хрипло вякнула, вероятно, от боли – зуб не давал о себе забывать.

Следующие полчаса женщина старательно выводила буквы на бумаге, задирала глаза к люстре, внимательно разглядывала воробья на балконе и снова принималась лихорадочно писать. Кира прочитала первые строчки: «Когда я, будучи уже матерым специалистом, занялась неухоженным волосяным покровом...»

– Вы что – издеваетесь? Вы решили под шумок поэму написать?! – взвилась Кира. – Я вам еще раз повторяю – пишите только фамилии друзей Русковой, иначе мы эдак будем до вечера мемуары сочинять! И поскромнее, мне же надо Дарье память вернуть, не забываетесь. А у вас... вон что, даже страдания из-за мужа описаны! Ну вы совсем!

Наталья увела глаза в сторону, два раза быстренько вздохнула и теперь уже за пять минут справилась с заданием. Теперь на листке кудрявыми закорючками были старательно выведены всего несколько строк.

– Так, – читала Кира. – Русков Антон Петрович, это ясно, Дима Русков, тоже понятно, ага! А вот Гусева Карина – лучшая подруга, Дарья Ивановна сама вам об этом говорила?

Наталья уверенно мотнула головой.

– А где она проживает?

Собеседница пожала плечами.

– Ну, может, вы знаете, где работает?

Наталья на минутку задумалась и выхватила листок.

«В модельном агентстве «Ярослава».

Кира потирала руки. Уже что-то есть! А вот и вовсе волшебная запись – Лешаков Борис – любовник!

– Ого! А что это, вам Дарья и такие подробности доверяла?

Женщина скривила гримасу. Вероятно, хотела выразить легкое высокомерие. Потом нацарапала на листке:

«Ему в паспортном столе моя подруга паспорт меняла, а Дарья просила, чтобы побыстрее сделали».

Это была неслыханная удача! Паспортные данные!

– А с чего вы решили, что это ее любовник?

Мастер только хитро стрельнула глазами и что-то невнятно промывчала. В переводе на обычный язык это, очевидно, означало: «За кого вы меня принимаете?!»

– Где он проживает? Только, умоляю, не говорите, что не знаете – не поверю!

«Недалеко отсюда. В новом доме, где магазин, Львовская, десять, квартира семидесятая», – написала мастер.

– Ну что же, теперь вы за клиентку можете не волноваться, восстановим ей память, как нечего делать! Спасибо, Рускова будет вам очень благодарна, – откланялась Кира и поспешила к Лешакову.

На дворе уже вовсю царствовал синий вечер, но не уезжать же, когда загадочный любовник вот сам в руки просится!

Однако Кира ошибалась: любовник никуда не просился, потому что дома его попросту не оказалось. Но и без того день прошел не зря, и Кира направилась к своему дому.

Дома ее ожидал сюрприз – нервно тыкал в кнопки пульта бывший супруг.

– Где ты шляешься? – накинулся он на Киру. – Договорились же! Я, можно сказать, ночь не спал, все думал, куда поприличнее отправить наше дитя, а ты даже не удосуживаешься быть дома! Вот, бери, путевка в Таиланд! Надеюсь, Ольга не забудет об отцовской заботе.

– Что ты! Когда будешь старенький, она купит тебе памперсы! – радостно выкрикнула Кира и схватила путевку.

В двери настойчиво позвонили.

– У тебя гости? – удивился до глубины души Леонид и потрусил открывать.

На пороге сиял улыбкой Кауров. При виде неизвестного мужчины его улыбка плавно превратилась в тоскливую гримасу.

– А... мне бы Киру... Сергеевну. – проворчал он.

– Кира, к тебе! – недовольно выкрикнул Леонид и демонстративно остался торчать рядом.

Кира вспомнила, как вчера в подъезде Кауров плел перед Машенькой кружева, да еще и убеждал, что Кира прямо-таки иссыхает от любви, и лицо ее мстительно искривилось.

– Ленечка, а кушать? – защebetала она, заглядывая в глаза супругу, словно верный сен-бернар. – Ой! А кто это? Игорь Андреевич? А что Машенька? Ее нет дома? Ах, какая жалость! А мы... вот тут... у нас... хи-хи, мы за границу собираемся, так что вы, простите, не вовремя, правда же, Ленечка?

Ленечка насторожился. Даже в самую лучшую пору их совместной жизни Кира не лебезила так старательно.

– Ленечка, пойдём, я тебя угощу... А вы, Игорь Андреевич, стучите громче. Ваша пассия так храпит, что ее и выстрелом не разбудишь! Разве только в упор...

Кауров вылетел из квартиры красный и злобный, точно жгучий перец. Сейчас он готов был разорвать любого на своем пути. И тут ему встретилась фея – Машенька волокла из магазина огромные пакеты, те щерились во все стороны острыми углами, оттягивали руки, а по распаренному лицу красавицы стекали струйки пота.

– Игорек! Какая радость! На, держи, сейчас мы с тобой...

В это время Кире приспичило проводить бывшего супруга, и она широко распахнула дверь. Картина перед ее глазами предстала самая трепетная: нагруженный, точно верблюд, Кауров еле передвигал ноги, сзади его подталкивала тычками Машенька. Но идти вперед он уже не мог – на него с фальшивым состраданием вытаращилась Кира.

– Ступай, любимый, – проворковала она, провожая Леонида.

Тот, испуганно оглядываясь, проворно сбежал вниз, а живописная пара затормозила возле раскрытой двери.

– Кира, ты это... если хочешь, к нам приходи, – гостеприимно пригласила Маша. – Мы сейчас стол накроем.

Кауров уже изнывал под тяжестью мешков и от стыда, а подруги, как нарочно, все никак не могли расстаться.

– Я, пожалуй, сейчас не могу. У меня дела, сама понимаешь... – как-то расплывчато отказалась Кира.

– Слышь, а твой-то зачем приходил? – загорелись глаза у Маши. Она сбaгрила поклажу и теперь могла совершенно свободно болтать. – Никак обратно просится?

Кира выделывалась вовсю – она откинула волосы со лба, улыбнулась загадочно, потом томно произнесла:

– Н-ну, я же не могу тебе все рассказать прямо сейчас, здесь посторонние... как-нибудь потом...

– Мария! – не выдержав, взвыл Кауров. – Что у тебя там в пакетах?! Вот в этой сумке у тебя что?! Руки отрываются!

Маша суетливо кинулась разглядывать, что там такое у нее в сумке.

– Ах, Игорек, так там два кирпича! Это у меня в духовке жару не хватает, она старенькая уже, так я со стройки два кирпича стащила, – сообщила она с полным простодушием.

Кира еще раз ласково улыбнулась Каурову и скрылась за дверью.

Она просто летала по комнате, сшибая в своем полете журнальный столик, сдвигая кресло и выворачивая наизнанку ковер. Путевка у нее в руках, Оля уедет, а она сможет спокойно разыскивать мальчика! Нет, она его обязательно найдет, живого или... Нет! Она его найдет живого! Не может такой смысленный парень, как Димка Русков, вот так взять и сгинуть!

Ее порхания по квартире прервал звонок в дверь. Наверняка это Кауров! Ну что ж, сейчас она и ему рада.

– Привет, – стояла в дверях Ирочка собственной персоной. – Ты обещала принадлежать мне, так я по твою душу.

Кира не на шутку струхнула. Кто знает, может, подруга успела вляпаться в какую-нибудь секту и теперь будет скакать вокруг нее, размахивая шкуркой дохлой кошки?

– Ну, ты что так посинела? Раздевайся! – командовала Ирочка, скидывая шубку.

– Ирочка... не надо... – просипела Кира, чувствуя, что ей не хватает дыхания. – Что это ты? У меня не та фигура, чтобы на нее любоваться.

Подруга воздела глаза к потолку и шумно выдохнула: ее взбесила такая тупость.

– И я тебе то же самое пришла сказать! Посмотри на себя, ну? Ни одно платье не сходится, на третьем этаже одышка начинается...

– На пятом, – быстро поправила Кира.

– Какая, на фиг, разница?! У тебя в кои-то веки появился стоящий мужик, а ты – будто избушка на курьих ножках! Не развернешь тебя ни к лесу задом, ни к себе передом! Давай, напяливай что-нибудь удобное, и будем заниматься. Чего стоишь? Раздумываешь? Между прочим, я не раздумывала, когда к твоей сумасшедшей Русковой в квартиру врывалась. Давай, не тяни время! Кстати, а музыка у тебя есть? – пошарила по комнате глазами Ирочка и врубила приемник.

Подруга оглушили звуки какого-то ритмичного хита и, пока Ира разогревала себя легкими прыжками, Кира послушно переделась в закрытый купальник и уже почти ощущала себя гимнасткой. Однако бесчувственная Ирочка принялась так ее мытарить, что в скором времени Кира пожалела, что вообще родилась на свет.

– Хо-ро-шо, хо-ро-шо! А теперь – ножку вверх! Выше! Кира, ну что ты точно протезом размахиваешь? Легонько так – раз! А теперь присели, еще раз. А теперь прыжки! Выше!

– Я! Сейчас! Помру! – трясла лишними килограммами Кира, не будучи в силах подпрыгивать так же высоко, как подруга.

– Ничего! Еще минут двадцать.

Киру спас телефонный звонок.

– Не отвлекайся! – приказала Ирочка, не переставая прыгать.

– Это Маша, – еле доползла до трубки Кира. – Алло!

Она просто задыхалась, в комнате всюду гремела музыка, и ей почти ничего не было слышно.

– Ирочка! Сделай потише! – гаркнула Кира. – Я вас... слушаю!

– ... Так это что... к тебе все-таки пришла твоя подруга? – послышался изумленный голос Каурова.

– Пришла. Мы тут сейчас... а что ты хотел?

– Да ничего... Я с тобой переговорить хотел, но... если вы заняты... не смею отвлекать.

В ухо понеслись короткие гудки, и Кира опустила трубку на рычаг.

– Продолжаем! – тут же возникла перед глазами свеженькая, как китайское яблоко, Ирочка.

Кира застонала...

Подруга ушла от Киры в девять вечера.

– Ничего сегодня не ешь, пьешь только кефир, и пораньше ложись спать, это полезно для кожи! – махнула она на пороге рукой.

– Ага... – измученно улынулась Кира. Захлопнув дверь, она тут же поплелась к холодильнику.

Есть хотелось нестерпимо, однако нутро старенькой «Бирюсы» встретило хозяйку издательской пустотой. Еще бы! Сегодня она сдуру накормила Ленечку, а тот, хоть и невелик

ростом, жрет, прости господи, как медведь перед спячкой. Да, кстати, Ирочка советовала пораньше лечь спать? Ничего другого и не остается.

Кира сначала залезла в ванну, а потом, уже совсем без сил, рухнула в кровать.

Спала она крепко, но посреди ночи у нее отчего-то сами собой открылись глаза, и она уставилась в окно. Женская интуиция – великая штука! Сейчас прямо перед ее глазами какой-то наглец спускался по веревке на ее балкон!

«Может, ему нужно ниже?» – с надеждой подумала Кира, но неизвестный довольно уверенно отцепил что-то у себя от пояса и принялся ломиться в ее балконную дверь.

– Совсем с ума сошли, да?! – жалобно выкрикнула Кира, прячась глубже под одеяло. – Сейчас как вызову милицию! Они как приедут!..

– Кира! Прекрати истерику! Открывай, – послышался знакомый голос Каурова.

Кира подскочила, впустила акробата и с немым вопросом уставилась на него.

– Ч-черт! Думал, оборвусь, – содрогнулся компаньон. – Представляешь, сидим мы у Машеньки. Она меня блинами потчует, а тут звонок! Маша как заверещит: «Прыгай в окно! Мой тебя порешит!» Я сдуру на балкон и кинулся. Пока они там миловались, я веревку бельевую приспособил – и к тебе. Это очень удобно, что ты этажом ниже проживаешь.

Кира подозрительно хрюкнула, потом сообразила, что стоит в одной сорочке и накинула халат. Теперь она почувствовала себя уверенней.

– Только не надо мне говорить, что вы там только блинами баловались, время-то...

– А сколько времени? Всего-то половина одиннадцатого! И вообще, я же молчу, чем вы тут с подругой тешились...

Кира захлебнулась от негодования:

– Да мы!.. Мы тут... зарядкой... Ирка решила из меня фотомодель сотворить, вот и гоняла меня, как скаковую кобылу! Тешились!

Кауров с сомнением разглядывал ее фигуру в халате, потом безнадежно махнул рукой:

– Брось. Худая кляча – еще не стройная газель.

– Ну что ты, на газель я как раз потяну, – обиженно фыркнула Кира и демонстративно направилась в комнату.

Кауров понял, что сболтнул что-то неджентльменское, и пошел за дамой.

– Кирочка, ну зачем тебе эти скачки, ну для кого?

– Молчи лучше! – грозно сверкнула глазами Кира и, плюхнувшись на диван, издевательски прищурилась: – Вот скажи, от тебя жена ушла?

– Ну?

– Пра-а-авильно, и никакой жены у тебя не будет, понял?! Потому что ты сам – кобель кобелем, а запросы у тебя...

– ...Самые скромные: чтобы ноги подлиннее, а язык – покороче. И все! Мечта! – дурачился Кауров, но взглянув на сурово сдвинутые брови Киры, тут же перевел разговор в другое русло: – Что новенького? Ты к этому мастеру-парикмахеру ходила?

Кира вздохнула, подумала, стоит ли баловать этого субъекта новостями, но сжалилась и принялась рассказывать о своих похождениях.

– Вот так и получается, что я, скромная воспитательница детского сада, узнаю куда больше, чем ты – сильный и резвый мужик! Слушай, а почему тебя с работы «попросили»?

– По кочану, это неважно. А к Гусевой я завтра сам поеду. Где, ты говоришь, она трудится?

– В модельном агентстве «Ярославна». Я тебя и сама попросить хотела – съезди. Понимаешь... ну... там дамы такие навороченные, а я... В общем, мужчине твоего склада эта Гусева быстрее откроется. А сейчас топай домой, у меня смена с утра.

Кауров прилежно собрался уходить, но остановился.

– Никак не получится. У меня и обувь, и дубленка у Машеньки остались, идти мне не в чем, так что остаюсь сегодня у тебя!

Кира бросила на диван постельное белье и крепко закрылась в спальне.

– А в ресторане такой приятной женщиной прикидывалась, – услышала она его обиженный шепот.

Глава 2

Бочка йода с ложкой меда

Кира отработала утреннюю смену и понеслась к дочери.

Оленька заочно училась в институте и работала в книжном магазине, поэтому застать ее можно было только на рабочем месте.

– Оля! – влетела в книжное царство взволнованная Кира. – Я тебе приготовила подарок!

В этот час покупателей было немного, поэтому у девушки было время поговорить с мамой.

– А что случилось? – на всякий случай испугалась она.

– Случилось! У нас февраль, холода, никакой погоды, а ты – девушка нежная, теплолюбивая. Тебе срочно надо в Таиланд!

– С чего бы это? Мама, ну какой Таиланд, мы с Вадиком на машину копим.

– Ну и хорошо! Пусть твой Вадик немножко покопит один. Тебе обязательно надо ехать, папа уже и путевку купил, смотри.

Оля взяла красочный листок, повертела его в разные стороны и протянула матери: – Нет, мама, сейчас не получится.

– Ах, не полу... ой... что-то с сердцем... сейчас, сейчас, отойдет... – медленно стала сползать на пол Кира, удобно устраиваясь между стеллажами. – Сейчас, доченька... воды... столько трудов, забот, и все напрасно... валидола...

– Мам, ну мама! – всерьез перепугалось капризное дитя. – Ну что случилось-то?

– Да ничего... ой... сейчас... ничего, Оленька... просто инфаркт замучил... Похоже, я того... отмаялась... А сколько на мои похороны уйдет... Чувствую... уже ноги немеют... Машу обязательно пригласи... И Ирочку с мужем...

– Мама! Потерпи немного, сейчас, у Вероники Федоровны где-то корвалол был.

– Не надо, – слабым, дрожащим голосом остановила ее Кира. – Ты лучше сразу скажи – поедешь?

Оля сурово покосилась на мать, но та продолжала лежать, закатив глаза под брови, и облегчения не предвиделось.

– Ну хорошо... Мама! Хорошо, я поеду!.. Тебе легче? – сдалась девушка.

Кира принялась неловко подниматься.

– Вот ты не поверишь, сразу отпустило... Нет, ну надо же... Ты уж меня не тревожь, а то...

– Когда ехать?

– Так там же написано, – резво подскочила Кира, забыв про свой «инфаркт», – вот, видишь число?

– Это уже в пятницу, что ли? – оторопела Оля.

– А чем тебе пятница не подходит? Хороший день! И запомни, Ольга, если ты не укажишь... останешься сиротой. – Кира даже попыталась смахнуть скупую слезинку, но дочь смотрела куда-то в окно, так что можно было особенно не стараться.

Удачно решив вопрос с отъездом дочери, Кира потрусилась на остановку. Надо было навестить Лешакова – близкого друга Дарьи Ивановны Русковой. А под какой личиной к нему прибыть, она еще не сообразила. В конце концов зашевелилась хилая идея – объявить себя журналисткой, Кира читала в детективах, что это срабатывает.

Однако ничего придумывать не пришлось. Дверь, как и в прошлый раз, Кире никто не открыл. Тогда сыщица решительно позвонила к соседям. На пороге возник огромный детина в синих клетчатых трусах и с остриженной наполовину головой.

– Ой, вы извините, я вас отвлекла, вы, наверное, подстригались... – залепетала Кира, тыча пальцем в макушку парня.

– Вы чо? Я еще когда стригся-то! Это причесь такая! Ты, тетка, чо хочешь-то? – набычился парень, меряя ее недобрым взглядом.

– А я к Лешакову пришла, а... а он не открывает.

– Он и не откроет, – возмутился детина ее явной глупости. – Он же помер!

– Как это?! – ошалела Кира.

– Как обычно... машина сбила, он и помер.

– Давно?

Парень звучно поскреб лысую сторону головы и сообщил:

– Он в прошлом месяце под колеса попал, вот и умер. Не, ну у него же все отбито было! Чо так жить-то? Смысл?.. – принялся по-своему соболезнавать детина. Наморщив лоб, он даже постарался изобразить печаль.

У Киры в голове мысли смешались в винегрет.

– А он что, один жил? – наконец додумалась она спросить.

– А чо один-то? – возмутился сосед. – Жена у него была, рыбки еще, кажется, даже попугай имелся... Ну, я не часто у них бывал, не помню.

Кира задумалась. Как бы выпытать у соседа, куда подевалась жена Лешакова?..

– Вот вы говорите, Лешаков с женой жил, а куда она уехала?

– Алька-то? Никуда! А она чо, вам нужна?

Не успела Кира кивнуть, как детина зычно рявкнул в глубь комнаты:

– Алка! К тебе тут тетка какая-то!.. Ну выйди, или уснула?!

В дверях появилось маленькое взъерошенное создание. «Ого! А вдовушка-то не теряется!» – мелькнула мысль у Киры.

– Эт вы меня звали, да? – уставилась Аля огромными коровьими глазами на Киру. – Ну, чо?

– Вас, кажется, Аля зовут?

– Алла Спиридоновна, – важно ответила девчонка, которая едва ли в этом году закончила школу.

– Очень хорошо, Алла Спиридоновна, а не могли бы мы с вами поговорить... Мне, понимаете...

Девчонка сморщила кукольное личико и капризно прогнусавила:

– О-ёй, как вы мне все надоели-ии! Ну ходют и ходют эти менты... ну чо опять?

Кира уже давно плюнула на «правду, только правду и ничего, кроме правды», и тоже решила показать гонор. Она повыше задрала голову и с превосходством взглянула на кислую физию юной вдовы. Явно та печалилась в данный момент не о супруге, а о том, что ее оторвали от какого-то интересного занятия.

– Значит, вы не хотите участвовать, а жаль... У вас, я смотрю, приятная мордашка, вполне фотогенично могло бы получиться...

– Чо-то я не вникла... а вы кто? – немного растерялась Алла Спиридоновна.

– Милочка, я режиссер документальной телепрограммы «Глаз детектива»! Сейчас мы собираем материал для новой передачи, и самое загадочное преступление будет показано по всем телеканалам России. Вот я и подумала – у вас довольно приятное лицо... Ну, если вам неудобно...

Киру явно куда-то не туда занесло. Она уже готова была развернуться и бежать прочь отсюда! Какой режиссер – она узнала о гибели Лешакова только пятнадцать минут назад, от этого самого детины!

Однако Аллочка уже взмыла на самый верх блаженства.

– Где... Где мы можем поговорить?.. А пойдите ко мне! Витька, ты это... ты подожди, да? Я потом вернусь, ага?

Витька тоже не заметил Кириных огрехов, однако бдительность проявил:

– Ты, Алька, слышь, ты документы проверь. Тетенька, у вас есть документы?

– Документы? – наморщила лоб Кира. – Алла Спиридоновна, о чем он все время тут бормочет? Он что, хочет сорвать нам съемку?

– Витя! Иди уже! Спи! – налетела на парня рассерженная вдова. – Ты вообще не лезь, куда не просят, понял, да?

Парень понял, что сморозил глупость: работники голубого экрана – люди капризные, и поспешил прикрыть дверь. Правда, напоследок напомнил:

– Алька, ты слышь, ты хоть кофе тетку... бабу... женщину... напои, а то вдруг не возьмет...

Миниатюрная Аллочка быстро открыла собственную дверь и разлилась соловьем, приглашая Киру войти.

– Садитесь, сейчас кофе принесу.

Кира села в широкое удобное кресло и немедленно в нем утонула. Пока Алька сражалась с джезвой, Кира могла не спеша рассмотреть комнату. Здесь все было большим – большие кресла, большой диван закручивался изысканным изгибом перед большой стеклянной дверью, большой, просто огромный телевизор и невообразимо огромная люстра. Казалось, ее уволокли из театра оперы и балета. Среди этих больших вещей тишина квартиры казалась особенно угрюмой. Ничего нет странного в том, что девчонка коротает вечера у соседа!

– Н-ну ты и дрррян-нь, – неожиданно донесся до Киры чей-то отчетливый шепот.

Кира поприличнее поправила подол платья, красиво вытянула ноги и оглянулась – никого не было. По спине забегали мурашки.

– А вот и я, – притащила в руках две чашки Алла Спиридоновна. – Не скучали?

– Н-нет. а вы одна теперь здесь проживаете? – настороженно спросила Кира.

– А, – махнула рукой молодая вдова. – Я и не живу здесь теперь почти. Сами же видите – тут как в склепе! Нет, мне чего повеселее нравится. А у вас за съемки платят?

Кира снова вспомнила про свои «режиссерские обязанности» и, отхлебнув кофе, нараспев спросила:

– Расскажите, как погиб ваш супруг?

Девчонка понимала всю важность момента, поэтому немедленно сбегала на кухню, притащила пепельницу и принялась торопливо зажигать тонкую длинную сигарету.

– Я вам все скажу. Он шел с работы...

– А где, простите, он работал?

– Борис Леонтьевич? Он был директором строительной компании.

Кира еще раз окинула взглядом комнату. Конечно, Лешаковых бедными не назовешь, но ей казалось, что директора строительных фирм могут себе позволить более просторные жилища. Девчонка, видимо, поняла ее, потому что весело засмеялась.

– Вы не думайте, у нас еще загородный особняк имеется, а здесь... Знаете, меня Боря всегда учил – директор должен жить так, чтобы его дом был стимулом для работников, а не предметом черной зависти. Дурачок, конечно, но... так вот и жили.

– Н-ну ты и дрррянннь, – снова послышался шепот.

Кира принялась нервно оглядываться.

– Вы чо? Это же Архип! Это попугай Бориса, я его уже второй день кормить забываю, вот он и ругается. Архип! Иди, дам тебе чо-нибудь!

В соседней комнате послышался шум, но птица не появилась.

– Ой-й, я же его не выпускала, – раздраженно процедила Аллочка и поплелась в комнату освобождать пленника.

Архип оказался просто сказочным красавцем: сине-зеленовато-красный, с огромным хвостом и с таким же чувством собственного достоинства.

– Скучает, наверное? – пожалела птицу Кира.

– Ну и чо? Я его, что ли, не успокаивала? – вытаращила глаза Алла Спиридоновна, бросила что-то в грязную миску и снова разлилась в сладкой улыбке. – Спрашивайте.

– Я уже спросила – как погиб ваш муж?

– Ах, ну да же! Ну вот, шел он домой...

– Погодите, а почему же он шел? У него что – машины не было?

– Ну вы чо как скажете! Чо эт у него не было?! Его вообще до дома водитель довозил. Короче, так – он отпустил водителя. Потом сунул руку в карман. А сигарет нет! У нас возле дома киоск табачный, но у Бориса еще и деньги на сотовом кончились, поэтому он поплелся в киоск через дорогу, карточку купить. Ну а когда он обратно через дорогу переходил, его тут машина и сшибла. Вот.

– А вы-то откуда такие подробности знаете? – удивилась Кира. Если человек погиб, вряд ли можно было четко узнать все его помыслы.

Однако вдова не на шутку возмутилась Кириной непонятливости.

– Так он же мне сам рассказал! Чем вы слушаете-то?! Я же вам говорю: сначала его сшибла машина. Он, конечно, долго пролежал на дороге, потом его кто-то подобрал, вызвали «скорую», а потом... а потом мне сообщили уже из больницы. Ну, он сказал, что сам перебежал улицу где-то не там. Он же не сразу умер! Ему операцию сделали, потом он уже нормальным был, а потом... а потом в больнице свет вырубили, и он не выжил.

Кира больше просто не могла видеть эту безмозглую девицу! Ну как же так?! Только месяц прошел со дня гибели мужа, а она уже запросто хрумкает орешки и рассказывает о гибели близкого человека так, будто... будто синицу кирпичом сбили! И, вероятно, мужчину можно было спасти, что-то сделать... И как они только жили вместе?

– Вы меня извините за нескромный вопрос – а у вашего мужа, кроме вас, никого не было?

– Это вы про кого? Про любовниц? Да вы чо! У него их была целая армия! Правда, все какие-то неудачные – у одной ноги кривые, у другой вечно изо рта воняло, у третьей родственников целая орда, и ему их всех кормить приходилось. Вот две у него нормальные были, это... сейчас... Это Грибова Вика, ничо себе девка, и Рускова Даша. Ну та вообще классная баба была... он мне говорил, когда мы расписывались: любовницы – это издержки профессии. А чо?

– А Грибова Вика... она где сейчас?

– Да черт ее знает... Кажется, вышла замуж, потом муж ее куда-то увез, не хотелось ему, видите ли, чтоб весь город знал, у кого его супруга на содержании находилась.

– А детей на стороне у вашего мужа не было?

Девчонка хихикнула в кулачок:

– Не-а! Не было.

Кира вздохнула.

– Ну... Вы об этом могли и не знать...

– Знаю точно – не было. Он ведь специально сделал себе операцию, чтобы не было детей. Вы не знаете разве, что мужикам такие операции тоже делают? Вот он и сделал, говорил – чтобы окончательно себя обезопасить! Он у меня... продуманный очень был. Уже при мне одна девица к нему с дитенком притащилась, а он ей справочку из больницы сунул – детей иметь не в состоянии! У той такая истерика была, с ума сойти!

– А в какой больнице умер ваш муж?

– В какой? В краевой... не, не в краевой, в частной, точно! Это которая на Лебедевой.

– Надо же, и там свет отключают? – пожала плечами Кира.

Девчонка минуту подумала, а потом решительно мотнула головой:

– Нет, мы его в частную только хотели положить, не успели. Он в районной был! Точно, в районной, она здесь недалеко, его туда и спровадили сразу.

Кира вроде бы узнала все, что только можно, даже больше, чем ожидала. Теперь ей пора было домой, но... она не могла.

– Алла Спиридоновна! А что вы собираетесь с попугаем делать? Вы бы его продали, не мучили.

– Ой, да кому он нужен! Нет, мне с этим Архипом одни заморочки – я все время его кормить забываю. А когда вы меня снимать приедете?

Кира вытянула губы трубочкой... И правда, когда?

– Через месяц, скорее всего. Вам обязательно позвонят. Вы свой номер телефона дайте, пожалуйста.

Девчонка выдернула откуда-то визитку.

– Вот, берите. А чо, вам Архип понравился? – с надеждой спросила Аллочка. – Так, может, заберете его, а?

Кира оторопела. Она совершенно не умела себя вести с попугаями.

– Вы хоть знаете, сколько может стоять эта птица?

– Не надо мне денег. Я не нищая, честно. А только представлю – как после очередной гулянки увижу его изголодавшийся труп, весь в перьях, бр-р-рр.

Кира бы не забывала его кормить.

– Ну так чего – берете? Давайте уже быстрее, меня же Витька ждет.

Не дождавшись ответа, хозяйка сгребла птицу в охапку и сунула Кире.

– Стойте, надо не так. У вас есть какая-нибудь тряпка? Полотенце ненужное?

Аллочка выудила из шкафа совершенно новое полотенце, и Кира запеленала Архипа, точно младенца. А потом для верности еще и засунула его под полу шубы.

– Ну вот, теперь мы не замерзнем, – ворковала она, выходя от Лешаковых.

Кира вместе с Архипом зашла с магазин, и последние деньги были потрачены на птичьи продукты. Попугай вел себя смирно, все время молчал, крутил головой и только когда продавщица назвала цену, из-под Кириной шубы отчетливо послышалось:

– Нну ты и ддрряннь!

Узнав, что оскорбления исходят из уст птицы, продавщица страшно обрадовалась: ее, оказывается, еще никто из животных не ругал, и, черт возьми, ей было сказочно приятно! Она даже сунула Архипу лишний пакетик миндаля. За свой счет.

Кира, нежно сюсюкая, уже подходила к двери, но вдруг подняла голову и резво потрусила обратно. Облокотившись на перила, на площадке стояла Ирочка в спортивной куртке и поигрывала сотовым телефоном.

– Куда?! – завопила она, заметив, как подруга с попугаем перескакивает через две ступеньки вниз по лестнице.

– Ира, я больше не могу прыгать, – обреченно созналась та. – И еще – у меня попугай!

– У нас сегодня другие планы. А попугая как зовут?

Кауров уже подъезжал к дому Киры, когда заметил две женские фигуры, бегущие по безлюдной аллее. Одна мчалась легко и быстро, высоко задрав голову и далеко выбрасывая длинные ноги, другая семенила далеко позади, спотыкаясь и часто останавливаясь.

– Садись, несчастье, – распахнул перед ней дверцу машины Кауров.

– Ой... поедем ко мне... Все... домой... Она уже полчаса так... носится, может, не заметит... что меня нет, – никак не могла отдышаться Кира.

Кауров послушно направил машину к дому.

– Ну ты и ддрряннь, – раздалось сразу, как только они вошли в квартиру.

Кауров даже присел от неожиданности.

– Ой! Не надо так пугаться, – засмеялась Кира. – Это всего лишь Архип, знакомся.

В коридор важно вошла большая яркая птица и деловито осмотрела вошедших.

– О нищета, – по-старушечьи проскрипел Архип и, видимо, вспомнив старое словцо, усердно кланяясь, зачистил: – Нищета, нищета, нищета...

– Ну, ты прямо Билл Гейтс! – не выдержал Кауров. – Кира, у меня сегодня времени мало, давай поговорим по существу.

Но по существу не получилось. Вначале, завидев у подъезда знакомую машину, срочно прибежала Маша.

– Ой, ребята! Мне тут... Мамочки! А это кто у вас такой холесенький? Что это за петусок такой клясивенький, – засюсюкала она, увидев Архипа, и полезла в карман своих широких, как паруса, спортивных штанов. – Посмотри, что тетя тебе сейчас даст! А тетя даст сейчас сухарик с изюмчиком!

– Нищета! – снова выдал Архип, заметив, что к нему обращаются.

Машенька скисла и не знала, куда теперь девать этот самый сухарик. Потом, подумав, сунула его в рот. Решив больше перед птицей не позориться, она, нахмутив брови, приступила прямо к делу.

– Ребята, вы меня извините, я что-то от расследования отвлеклась. Игорь, ты себе не представляешь, когда мой нас застукал... – заговорила она с полным ртом.

– Маша, давай по существу, – снова напористо предложил Игорь.

И снова им не дали договорить – на пороге появилась раскрасневшаяся и пылающая гневом Ирочка.

– Морозова! Это что – мне надо?! – метала она молнии. – Нет, ты скажи!

– Ну ты и дрянннн! – снова выступил попугай, обращаясь к гостье.

– Ого! Это я, да?! – захлебнулась Ирочка. – Кто это сказал?!

Компания дружно указала на Архипа.

– Это он, что ли? А он чего – говорящий? – не поверила Ирочка, разом остыв. – Слушай, Морозова, он же целое состояние стоит! Надо же – говорящий!

– Нет, он не говорящий, он – костерящий всех напропалую, – хрюкнул Кауров. – Ты ему сухарик протяни, он тебе еще чего-нибудь выдаст.

Ирочка с горящими глазами протянула попугаю сухарь. Противная птица сухарь у Ирочки взяла и зацокала:

– Какая попка! Тц-тц-тц! Какая попка!

Ирочка непроизвольно закрыла свою задницу ладонью.

– Да, можно догадаться, какой говорун был этот Лешаков!

– Что за Лешаков? – спросила Маша.

– Так это же я у него попугая взяла. Вернее, не у него, а его вдовы.

Ирочка не стала забивать себе голову лишней информацией и, еще раз фыркнув на прощанье, понеслась летящей походкой готовить своим домашним щи.

– В общем, так, – начала Кира. – От парикмахерши мадам Русковой я узнала, что у Дарьи имелась одна подруга...

– Ну, про подругу я расскажу чуть позже, – кивнул Кауров.

– Да, подруга и любовник. Некий Лешаков Борис Леонтьевич, директор строительной компании. Так вот, этот Лешаков имел целую армию любовниц. Но наша Даша ему больше всех нравилась.

– Откуда ты знаешь? – вздернул брови Кауров.

– Оказывается, сейчас не иметь любовницу – просто стыдно! Поэтому жена... то есть вдова Лешакова мне с гордостью поведала, что у нее муж не был обделен женской лаской. Не перебивай! Еще у него была некая Вика, но сия девица выскочила замуж, и супруг увез ее

подальше от нежных воспоминаний, не знаю куда. И вот этот директор шел себе домой, у него сигареты кончились и карточка на сотовый, машину он отпустил, поэтому топал своими ножками. Хотел заглянуть в один киоск рядом с домом, а потом вспомнил, что там карточек на сотовый нет, пошел в другой, там его машина и сбила. Однако погиб он не сразу, а скончался уже в больнице от того, что в больнице отключили свет, видимо, что-то с аппаратом произошло, который его жизнь поддерживал. А его жена, Алла Спиридоновна, дамочка ну о-очень незакомплексованная, тут же нашла утешение у соседа – мужчины, достаточно молодого и... такого же... ну, явно без семи пядей во лбу.

Маша слушала все это затаив дыхание.

– Это они его грохнули, точно!! – выдохнула она.

– Зачем? – скривился Кауров. – По словам Киры, Лешаковы свободную любовь не порицали, а деньги супруг приносил в дом немалые, причем регулярно. Для чего им это убийство? И еще – они не могли точно рассчитать, что у Лешакова кончатся сигареты, а даже если и предполагали это, то киоск табачный рядом ведь был, да?

– Ага, во дворе.

– Ну вот. Он бы и там мог затариться. Кто же знал, что у него еще и карточка кончится? Нет, это, скорее всего, действительно случайность. А вот в больнице... свет, говоришь...

– Я проверю! – активно включилась в работу Маша. – У меня завтра рынок, а после двух я свободна. В какую больницу надо ехать?

Маша имела свой ларек и, пока ее муж таскался по командировкам, она всю руководила торговлей. Поэтому время от времени дама ездила на рынок и на базу – отовариваться. Но в остальное время ее можно было щедро эксплуатировать – отказывать друзьям в помощи Маша не умела.

– Вдова говорила, что в он районной лежал. Хотя... подождите, я уточню, заставлю ее проверить документы, – на всякий случай перестраховалась Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.